

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

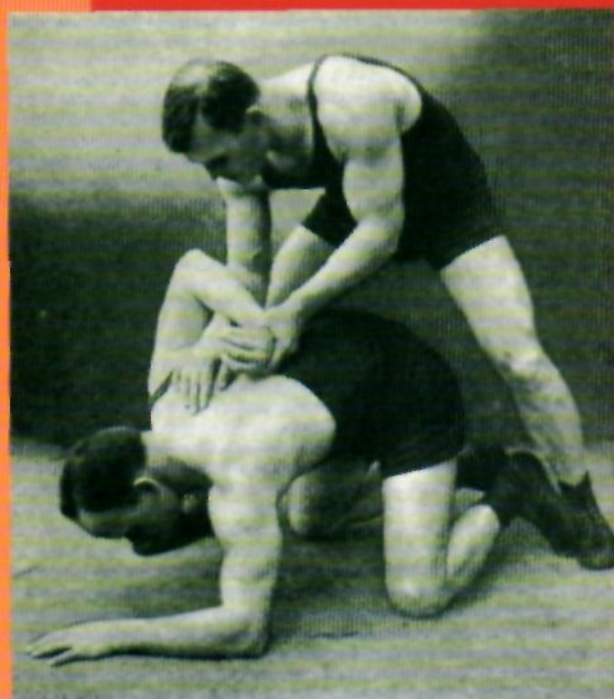

РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА
СИСТЕМЫ И АВТОРЫ

М. Лукашев

Н. Н. ОЗНОБИШИН

ИСКУССТВО РУКОПАШНОГО Б О Я

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАР. КОМ. ВНУТР. ДЕЛ 1970

Самозащита для революции

Об авторе

Лукашев Михаил Николаевич — ведущий российский специалист в области истории отечественного рукопашного боя, почетный член исполкома Всероссийской федерации самбо, талантливый писатель, способный преподнести результаты своих уникальных исследований в увлекательной литературной форме, автор десятков публикаций в различных периодических изданиях (печатается с 1957 года).

Работы М.Н. Лукашева привлекают своим первооткрывательским характером. Так, хотя наши боксеры уже в 1948 г. торжественно отпраздновали полувековой юбилей российского ринга, Михаил Николаевич сумел доказать ошибочность этой даты и увеличил возраст отечественного бокса на два года. Его же перу принадлежат первые на русском языке технико-тактические и методические материалы по спортивному дзюдо («Физкультура и спорт», 1972-1974 гг.), публикации о монастыре Шаолинь и его боевой системе. Большой интерес вызвали книги М.Н. Лукашева «Слава бывших чемпионов», «Десять тысяч путей к победе», «Родословная самбо», «И были схватки боевые...», которые получили высокие рецензионные оценки таких крупных специалистов, как Б.М. Чесноков, К.В. Градополов, Д.Л. Рудман, А.М. Ларионов, В.С. Харитонов и других. «Слава бывших чемпионов» была удостоена Почетного диплома Всесоюзного конкурса на лучшую спортивную книгу 1978 г. Его исследование о занятиях А.С. Пушкина боксом было опубликовано во «Временнике» Пушкинской комиссии Института русского языка и литературы Академии наук СССР.

Несколько десятилетий своей жизни М.Н. Лукашев отдал исследованию истории возникновения советской спортивной борьбы и системы рукопашного боя самбо и борьбе с официозным мифом о создании самбо не мастером Кодокан дзюдо, «врагом народа и шпионом» Василием Сергеевичем Ощепковым, а его учеником А.А. Харлампиевым.

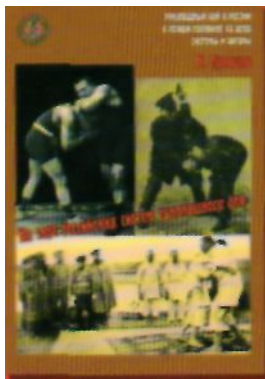
В своих строго документированных, аналитических публикациях Лукашев воссоздал подлинную историю зарождения и формирования самбо и восстановил авторское право В.С. Ощепкова. За свою многолетнюю работу в этой области Михаил Николаевич был удостоен Серебряного ордена Международной федерации любительского самбо (FIAS).

Работы М.Н. Лукашева переведены на английский, французский, немецкий и другие иностранные языки.

Библиотека «Додзё». Серия «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКИ»

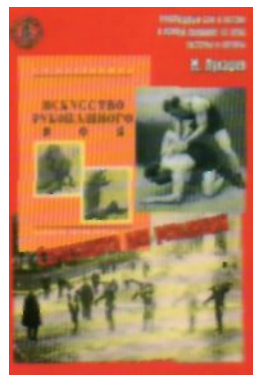
КНИГА 1. НА ЗАРЕ РОССИЙСКИХ СИСТЕМ РУКОПАШНОГО БОЯ

В первой книге серии в деталях рассказывается обо всех попытках создания систем рукопашного боя для нужд полиции, армии и гражданских лиц в дореволюционной России. Джиу-джитсу, французская борьба, исландская глима, английский и французский бокс, приемы нападения и защиты преступного мира — вот далеко не полный перечень боевых и спортивных единоборств, которые в начальные десятилетия прошлого века явились источниками первых отечественных систем самозащиты. Перед читателем пройдут такие незаслуженно забытые ныне первопроходцы российского рукопашного боя, как А. Демерт. И. Лебедев и др.

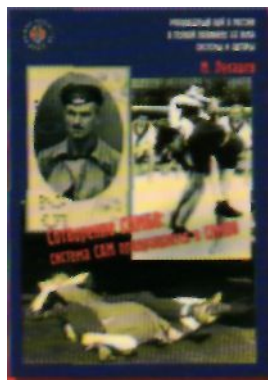
КНИГА 2. САМОЗАЩИТА ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ

Книга повествует о разработке систем рукопашного боя для нужд Красной Армии, Всевобуча и милиции в первое десятилетие Советской власти. Читатель познакомится с биографиями таких специалистов, оставивших заметный след в истории отечественного рукопашного боя, как М. Яковлев, И. Солоневич, Г. Калачев, Н. Ознобишин и другие.

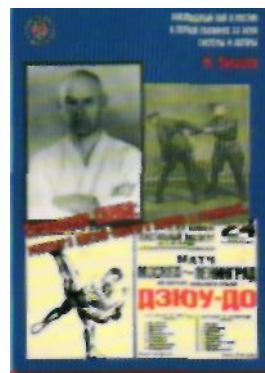
КНИГА 3. СОТВОРЕНИЕ САМБО: СИСТЕМА «САМ» ПРЕВРАЩАЕТСЯ В САМБО

Третья книга серии посвящена деятельности В.А. Спиридонова и разработке на основе джиу-джитсу, а также французской и вольно-американской борьбы, английского и французского бокса и бытовой обороны приемов самозащиты для нужд чекистов, пограничников и милиционеров в системе «Динамо» в 1920-30-е гг.

КНИГА 4. СОТВОРЕНИЕ САМБО: РОДИТЬСЯ В ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЕ И УМЕРЕТЬ В СТАЛИНСКОЙ...

В книге речь идет о жизни и деятельности основоположника отечественного дзюдо, выпускника Кодокана и советского разведчика В.С. Ощепкова, трагически погибшего в застенках НКВД в 1937 г. В деталях прослежена эволюция его системы от классического дзюдо к первооснове спортивного и боевого самбо.

КНИГА 5. САМБО НА СЛУЖБЕ РОДИНЫ

Книга посвящена синтезу систем В.А.-Спиридонова и В.С. Ощепкова, который осуществил В.П. Волков, автор капитального труда «Курс самозащиты без оружия «Самбо». Учебное пособие для школ НКВД» 1940 года, распространению самбо в СССР в предвоенный период, внедрению его в вооруженные силы, а также попытке К. Градополова приспособить приемы бокса к применению в рукопашном бою.

Серия книг «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА» — это уникальное исследование, которому автор посвятил почти шестьдесят лет своей жизни. Иллюстрировано редкими фотографиями и рисунками из личного архива автора, многие из которых публикуются впервые. Огромное количество документов, архивных материалов, в том числе из архивов КГБ и ГРУ, личное знакомство М.Н. Лукашева со свидетелями событий и авторами ряда систем, взвешенность оценок и высокий профессионализм делают серию книг «РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА» уникальным изданием, не имеющим по своей фундаментальности аналогов. Этот труд призван на десятилетия стать настольной книгой для каждого российского дзюдоиста, самбиста, джиу-джитсера, рукопашника.

РУКОПАШНЫЙ БОЙ В РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА СИСТЕМЫ И АВТОРЫ

И.Н. Лукашев

САМОЗАЩИТА ДЛЯ РЕВОЛЮЦИИ

Будо-Спорт

Москва • 2003

Глава 1

«Век девятнадцатый — железный, воистину жестокий век» армии всего мира встретили еще с кремневыми ружьями и заряжавшимися с дула бронзовыми или чугунными пушками, почти такими же, какие стреляли в восемнадцатом, семнадцатом и даже шестнадцатом веках, а вот заканчивали это самое — «железное» столетие уже под пулеметные очереди и рёв стальных крупновских орудий. Невероятно возросшая огневая мощь породила даже бесконечные споры между, как их называли, «штыкопоклонниками» и «огнепоклонниками», которые ставили под сомнение даже саму целесообразность сохранения на вооружении штыка. Столь мизерным, максимально стремящимся к нулю представлялось им значение штыкового боя в современных сражениях. И потребовался горький опыт Первой мировой — «траншейной» войны с ее бесконечными кровавыми схватками в тесном пространстве своих или чужих окопов для того, чтобы высокопоставленные военные головы полностью осознали значение рукопашного боя и в современной войне.

Первоначальные обширные наступательные действия сменились затяжной позиционной войной. Воюющие стороны зарылись глубоко в землю, построив укрепленные огневые точки, мощные блиндажи, тысячи километров окопов, ходов сообщения, проволочных заграждений в несколько рядов. И сколько бы часов подряд ни «долбила» артиллерия вражеские укрепления, занять их удавалось только после того, как противника «выковыривали» штыками из

его траншей. А точнее, не одними только штыками. Тесное пространство окопов диктовало свои условия схватки: штыком здесь уже нельзя было орудовать так же свободно, как в открытом поле. Классический штыковой бой былых времен, когда хватало штыка и приклада, слишком часто превращался в остервенелый рукопашный, где в ход шли ножи, кинжалы, саперные лопатки и прочий шанцевый инструмент, собственные руки, ноги и даже зубы. Разумеется, теперь сразу же прекратились ученые дискуссии о снятии с вооружения «архаичного штыка». Больше того, пожалуй, впервые с XVI-XVII века военное руководство вновь обратило особое внимание не только на штыковой, но и на рукопашный бой.

«Солдат должен уметь не только стрелять, но и драться. Шаблонные приемы удара штыком, которым обучали в мирное время, не могли применяться на практике», — констатировали немцы.

Французы снабдили своих солдат специальными кинжалами для ближнего боя. А капитан Андре Лафарг в книге «Пехотная атака в настоящем периоде войны», вышедшей в военном 1916-м году, делился опытом усиленной подготовки своих солдат к штыковым атакам даже во фронтовых условиях: «Мы жаждали неудержимого... штурма, а потому хотели внушить всем людям желание рукопашного боя — того самого, перед которым колеблется каждый человек...»

Специальные руководства по рукопашному бою (hand - to - hand combat) из-

даются в Англии и даже в Соединенных Штатах, которые вступили в войну позже всех. Принятое в разгар войны бельгийское наставление «Фехтование на штыках» в особом дополнении приводило английские методы обучения рукопашному бою.

Именно тогда, в огне Первой мировой родился прообраз особых ударных групп, которые на Западе именуют «коммандос», а у нас — армейским спецназом. Эти небольшие по численности отряды весьма тщательно комплектовались и вооружались специально для ближнего боя. Они вели разведку, проникая в траншеи, брали языков, проводили деморализующие противника ночные налеты, уничтожали огневые точки. И похоже, что в тесной связи со всеми этими обстоятельствами появилось тогда самое маленькое войсковое подразделение в составе десяти бойцов — «отделение», и даже еще меньшее, всего из трех человек, — «звено», от которого впоследствии отказались. Фотографию такой немецкой, специально оснащенной боевой группы численностью в отделение опубликовал журнал

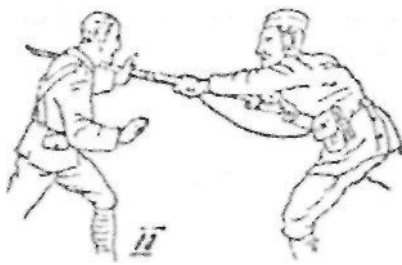
«Огонек» с вопросом: кто сильнее — отборные германские бойцы или наши корниловцы из ударных воинских частей? Ответ же состоял в том, что фотоснимок корниловцы нашли на трупе одного из солдат именно этого, уже уничтоженного специального отряда.

Вполне естественно, что послевоенные уставы всех стран теперь уже уделяли большое внимание обучению и штыковому, и рукопашному бою. Германия, военно-техническая мощь которой была сильно ограничена жесткими условиями мирного Версальского договора, усиленно наверстывала в передовом обучении пехоты, в частности, рукопашному бою. Так, кроме всего прочего, солдат специально тренировали в ведении боя ножом. Исходное положение имитировало ситуацию, которая не раз возникала в подлинном ближнем бою: инстинктивный захват вооруженной руки. Начиная схватку, каждый из единоборцев левой рукой захватывал вооруженную учебным ножом руку партнера за запястье. В борьбе нужно было освободить из захвата руку и нанести точный удар ножом. В немецкой армии также

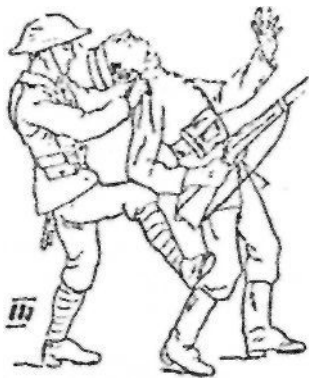
Иллюстрации из английского наставления по рукопашному бою времен Первой мировой войны

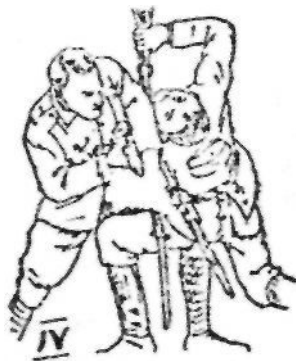
Один из ключей при нападении.

Отражение сооруженного нападения безоружным.

Нападение на вооруженного сзади.

Невооруженный ловким приемом подчиняет себе вооруженного винтовкой.

всячески поощрялись спортивно-клубные занятия боксом и джиу-джитсу.

Американцы записали в своем новом уставе: «Солдат, устремляющийся в атаку, имеет преимущество морального превосходства над обороняющимся... Успех такой атаки может быть обеспечен только тогда, если солдаты воодушевлены желанием схватиться с противником грудью с грудью и если они надлежащим образом обучены и воспитаны».

Аналогичное французское наставление требовало: «Штыковому и рукопашному бою должны быть обучены все бойцы... Задача будет заключаться в том, чтобы воспользоваться неожиданностью для быстрого и сильного прямого удара (удара штыком, ногой, кулаком и др.). Кроме того, необходимо твердо знать, куда нужно наносить удар... Все должны быть в состоянии уметь употребить приемы нападения и защиты, чтобы никогда не быть захваченными врасплох...»

Даже не слишком могущественная Польша, которой отводилась передовая роль в противостоянии с Россией, старалась не отставать от других и, как обычно, копировала французские образцы: «Обучение штыковому и кинжальному бою должно совершаться простым способом, но систематично и последовательно... Этого можно достигнуть только посредством частых упражнений, путем поединков на местности, в окопе и т.п. Не следует ограничиваться только штыковым боем — кинжал, приклад, лопата, топорик, кирка-мотыга и т.п. также могут часто служить оружием рукопашного боя. Солдат пехоты даже без оружия должен уметь броситься на неприятеля и победить его. И этому исключительному способу борьбы необходимо его обучать».

Так было во всех странах. Во всех, кроме Советского Союза. И это несмотря на то, что революционные военные формирования имели давние традиции рукопашного боя. Еще в преддверии восстания 1905-го года рабочие дружины не только обучались стрельбе и «бомбометанию», но и упражнялись в кулачном бою. В 1917-м красногвардей-

цы, выделенные для охраны Ленина от агентов Временного правительства, владели как стрелковым оружием, так и приемами самозащиты. Военные специалисты только что созданной Красной армии, в значительном большинстве — бывшие офицеры старой армии, понимали, какое большое значение приобрело умение бойцов вести ближний бой. И когда с началом Гражданской войны в стране было введено обязательное всеобщее военное обучение мужского населения (Всевобуч), то в его программу наряду со штыковым боем было включено изучение некоторых простейших приемов бокса и французской борьбы. Вместе с тем, существенное и явно отрицательное влияние на развитие военного рукопашного боя оказал сам характер боевых действий в ходе противостояния красных и белых.

Эта война никогда не превращалась в позиционную, а значение в ней кавалерии заметно превалировало над ролью пехоты. На смену штыковым боям с неизбежной рукопашной пришли бои сабельные. Справедливо отмечая явное ослабление внимания к штыковому, а следовательно, и к рукопашному бою в Красной армии и объясняя его причины, начальник Учебно-строевого управления ГУРККА Л. Малиновский писал так: «Культура штыка в старой русской армии была высоко развита и, занимая почетное место до империалистической (Первой мировой — М. Л.) войны, составляла значительное звено в системе подготовки и воспитания пехоты. После империалистической и первой полосы Гражданской войны в практической работе по подготовке Красной Армии обучение штыковому бою хотя и осталось, но потеряло то место, которое ему было отведено прежде... Характер Гражданской войны, за вычетом некоторых участков Западного и Туркестанского фронта, отличался той особенностью, что, как правило, атака крайне редко доходила до рукопашной схватки».

В связи с этим вполне справедливым и откровенно критическим замечанием, имеет смысл бросить ретроспективный взгляд на то, как обстояло дело с обуче-

нием штыковому и рукопашному бою в старой русской армии. Точнее, только штыковому, так как официально существовал только этот термин, а термин «рукопашный бой», то есть бой без оружия, в армейских учебных руководствах вообще отсутствовал, точно так же, как отсутствовало обучение ему военнослужащих. И совершенно правильно заметил один из ветеранов ленинградского самбо полковник М.А. Ларионов: «В армии бою без оружия не обучали. Ни в одном уставе до революции его не было». Действительно, солдатские навыки рукопашного, а в некоторых деталях и штыкового боя формировались в изустной «унтер-офицерской академии» и передавались из поколения в поколение, минуя официальные воинские учебные документы. Генералы, на чьей ответственности лежала постановка обучения, не слишком обременяли себя заботой о полезных нововведениях. И уже, конечно, не снисходили до унтер-офицерских «мелочей». Вот уставы и говорили лишь о «классическом» штыке, забывая порой даже о «работе» незаменимым в бою прикладом.

Только после Русско-японской войны, где уступавшая врагу в военно-техническом отношении наша армия очень успешно действовала и штыком, и прикладом (порой даже злоупотребляя этим), появилось первое достаточно подробное описание способов совместного использования со штыком также и приклада. Но вы ошибетесь, если решите, что это генералитет успел так быстро сделать необходимые выводы. «Пособие военным инструкторам. Фехтование и борьба на штыках» написал известный московский частный преподаватель Александр Иванович Люгарр, а издало в 1908 году Правление Офицерских фехтовальных курсов Гренадерского корпуса, где он преподавал. В разделе «Борьба на штыках» Люгарром были «указаны практические приемы, наиболее применимые на войне (в свалках)», то есть в ближнем бою. Он писал: «Введение вновь в армии фехтования на штыках есть, несомненно, результат опыта последней войны, доказавшей

бесспорную важность штыка. Обучение в армии штыковому бою производится по уставу («Обучение штыковому бою» Высочайше утверждено 11 апреля 1907 года. — М. Л.). Этот устав, предъявляющий огромные требования, указывает и дает слишком скудные средства для выработки из нашего солдата искусного штыкового бойца, чего можно достигнуть только при хорошем руководстве. Такого руководства у нас еще нет... В этой части конспекта указаны приемы штыкового боя, более применимые во время штурма (во время атаки — М. Л.). Но нужно обладать большой фантазией, чтобы представить картину рукопашной схватки, когда приходится сражаться с врагом почти грудь с грудью и когда солдат бывает вынужден работать прикладом не менее, чем штыком. Устав, на который мы уже ссылались, также упоминает о действиях прикладом, но ровно ничего не разъясняет по этому поводу».

Но хотя Люгарр и опирался на опыт недавней войны, разработанная им система если и была хороша, то лишь для долговременного воспитания искусного фехтовальщика, но отнюдь не для массового обучения солдат. При всем том предусматривалось немало положительных моментов: использование для штыкового удара подвижных чучел на катках, вольный бой в фехтовальном снаряжении с заменой штыков пружинными клинками с мягким наконечником, бой двоих бойцов против троих, троих против пятерых и т.п. В схватке активно использовался как штык, так и приклад, включая и удар им снизу, который в западных наставлениях появился только уже в годы Первой мировой. Вместе с тем, Люгарр игнорировал такое действенное в рукопашном бою дополнительное средство, как удары ногами, подножки с ударом цевьем на «сверхблизкой» дистанции, как это было у Ошепкова. Главным же недостатком являлось то, что практическое осуществление подобной сложной и дорогостоящей программы обучения являлось крайне сомнительным. Что на деле и оправдалось.

С таким небогатым багажом подошли наши бойцы и к Первой мировой, и Гражданской войне.

В некоторых работах высказывалось мнение, что во время Гражданской красноармейцы китайской национальности обучали своих российских товарищей по оружию боевым приемам ушу.

Насколько я могу судить, первым эту спортивно-историческую легенду пустил в оборот А.Н. Медведев в своей книге «Как дрались в НКВД»: «Экзотические для людей, не искушенных в искусстве рукопашного боя, приемы часто попадали в арсенал отечественных рукопашников через китайских, корейских и японских мастеров, по той или иной причине делившихся тайнами своего искусства.

Это началось задолго до Октябрьской революции, а' после нее, в Гражданскую войну, своих соратников в многочисленных красногвардейских и партизанских отрядах обучали китайские воины-интернационалисты. Среди них попадались мастера самых разных стилей кунг-фу.

И если до революции сават, джиуджитсу и «китайский бокс» были доступны, как правило, людям из разведок и охраны, то после нее приемы защиты и -нападения широко распространились... Многие корейско-китайские приемы пришли в Россию раньше, чем о них узнали в других европейских странах» (стр. 203-204).

Оставляя на совести автора такие нелепости, как дореволюционный «китайский бокс», «корейские мастера» и широкое послереволюционное распространение иностранных систем в нашем гражданском обществе, я не могу не сказать об «интернациональной передаче китайского опыта».

Эти бездоказательные предположения представляются мне совершенно неосновательными. Действительно, в годы мировой войны в Россию завозили китайцев для замены на тяжелых и неквалифицированных работах призванных в армию россиян. Действительно, многие из этих задавленных

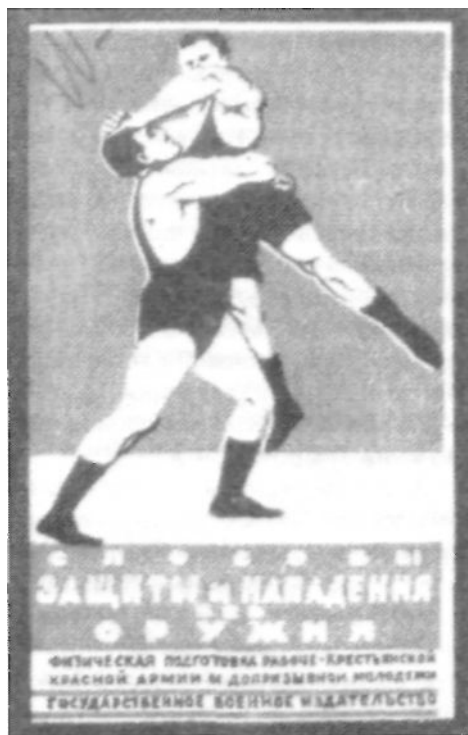
нуждой и беспощадной эксплуатацией людей вступили в Красную армию и участвовали в боях. Однако же фактов упомянутого обучения никто и нигде не зафиксировал. Из уважения к теории вероятности можно согласиться, что могли быть какие-то исключительные единичные случаи показа отдельных приемов, но налаженного в армии такого обучения быть ни в коем случае не могло и действительно не было. Не тот это был контингент и гипотетических учеников, и инструкторских кадров и совсем не то время для организации обучения.

В действительности же, все ограничивалось тем, что к строевому пехотному уставу в 1919-м году было введено дополнение «Обучение штыковому бою», а в 1920-м принята Программа по физической подготовке запасных частей Красной Армии с впервые введенным разделом «Владение холодным оружием». В том же году принято «Временное руководство по велению рукопашного боя». Это был первый случай появления в наших нормативных армейских материалах термина «рукопашный бой», хотя приемов собственно рукопашного боя в обучении реально еще не появилось. Такими вот скромными были результаты на тот период.

Совсем не зря говорят, что самым постоянным является все временное. В 1929-м году появилось второе, исправленное издание, которое на этот раз именовалось «Временное руководство по обучению рукопашному бою в РККА». Истекшие долгие девять лет потребовались только для того, чтобы дополнить средства рукопашного боя ударами ноги и использованием в схватке подручных предметов.

Вышедшее через год третье издание, теперь уже как «Временное руководство по штыковому бою в РККА», фактически утратило следы рукопашного боя не только в названии, но и в самом тексте.

Нельзя сказать, что никто не догадывался о необходимости обучения красноармейцев искусству ближнего боя. Но, к сожалению, как это у нас до сих пор водится, разумные идеи уходили в

песок, да и материальная сторона под-
водила. А ведь еще в 1923 году Прези-
диумом Высшего совета физической
культуры при ВЦИК была разработана
Программа физической подготовки
Красной Армии. Хотя и не лучшим об-
разом отредактированная, она достаточ-
но точно отвечала требованиям време-
ни. В Программе говорилось: «Как бы
ни высоко стояла современная техника
военного дела, все же судьба отдель-
ного боя, отдельных стычек и схваток не-
редко решается силою холодного ору-
жия и рукопашной; кроме того, умение
владеть холодным оружием и умение
пустить в ход собственные кулаки и но-
ги имеет чисто моральное значение, да-
ет каждому воину уверенность в своих
силах до самого последнего момента и
сознание, что он не беззащитен, пока у
него в руках есть оружие или, если он
почему-либо лишился его и остался без
всего в руках, имеет полную возмож-
ность пустить в действие собственные
кулаки и ноги». Для этого Программа
ставила задачу обучить каждого бойца
«элементарным способам защиты и на-
падения (бокса, джиу-джитсу, борьбы),
как на противника с оружием, так и на

безоружного; кроме того, имеется в ви-
ду изучение способов доставки плен-
ных, не желающих подчиниться воле
победителя...». Однако реализована эта,
совсем не плохая Программа так и не
была. Пехоту по-прежнему обучали
только явно устаревшим и недостаточ-
ным методам ближнего боя: штык,
приклад и, как последнее «достижение»,
удар коленом в пах или «каблуком по
подъему ноги».

С 1924-го года было введено в дей-
ствие руководство «Физическая подго-
товка Рабоче-Крестьянской Красной Ар-
мии и допризывной молодежи», состо-
явшее из девяти отдельных брошюр,
каждая из которых освещала один из
разделов руководства. Шестому разделу
была посвящена книжка «Владение саб-
лей» и «Владение винтовкой». И лишь
через год после введения нового руко-
водства, в 1925-м, вышло пособие по
его последнему — девятому разделу
«Способы защиты и нападения без ору-
жия. Французская борьба, бокс, джиу-
джитсу». Эти единоборства преподноси-
лись как «в общей сложности дающие
ряд весьма ценных навыков по защите
и нападению без оружия». Излагались
краткие сведения об их технике и мето-
дике преподавания. Для проведения
спортивных состязаний по боксу и
французской борьбе были опубликова-
ны правила. Здесь тоже посчитали, что
обучающиеся сами смогут понять, как

наиболее эффективно комбинировать в бою приемы этих трех совершенно разных единоборств. И сильно уповали на запрещенные приемы французской борьбы: «двойной нельсон»; «ключ», то есть загиб руки за спину в партере; рычаг локтя на своем плече; тычок пальцами в глаза и «милицейский» рычаг локтя, который вторично также описывался и в главе, отведенной технике джиуджитсу. В ней приведены удары ребром ладони, локтем, коленом и «пяткой». Рекомендовались довольно сомнительные нажатия на девять чувствительных точек, из которых четыре защищены одеждой. Приведенные далеко не в самых лучших вариантах десять приемов в стойке представляли собой: два «пальцевых» удушения; три болевых — «милицейский» рычаг локтя, поворот предплечья во внешнюю сторону и рычаг локтя вверх через свое бедро в качестве контрприема при защите от удара палкой сбоку; пять бросков — захватом за талию с толчком ладонью другой руки я подбородок, обратное бедро с нырком под «наносящую удар палкой сверху руку противника», бросок с упором стопой в живот (от захвата противника за плечи), «мельница» для обезоружива-

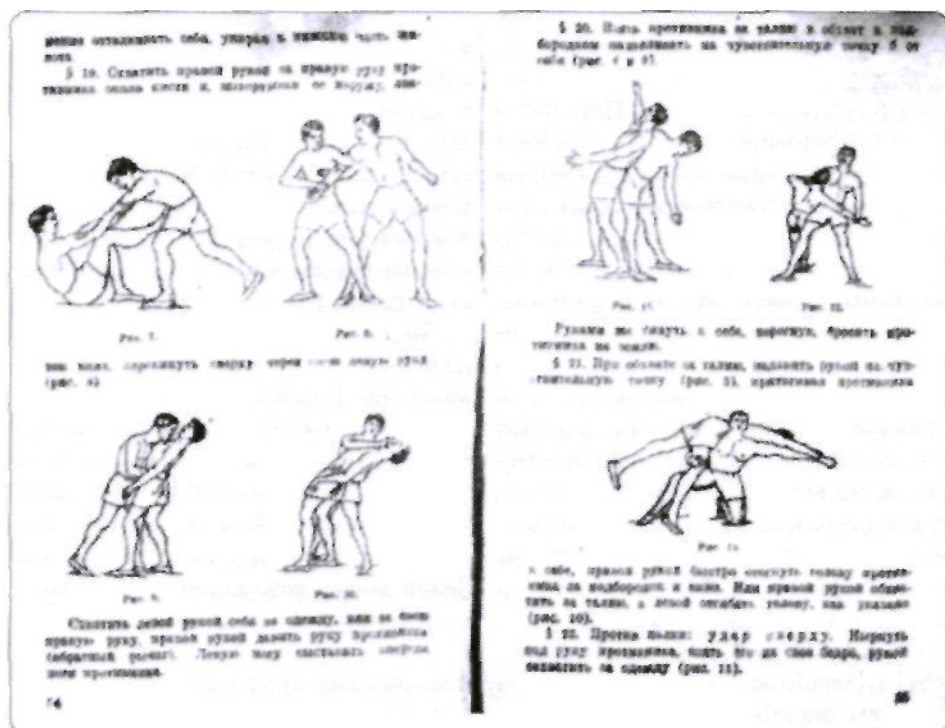
ния напавшего с револьвером. И совсем уже странный бросок захватом на передний пояс и нажимом подбородком на чувствительную точку груди противника.

Для работы на земле предлагались рычаг ступни противника, лежащего лицом вниз, а лежащему на спине — «пальцевое» удушение в комбинации с рычагом локтя на своем бедре или ступне. Следует сказать, что даже эти, во многом несовершенные приемы не являлись обязательными для изучения в армии, а преподавались лишь желающим в рамках клубной работы.

Авторы брошюры, как это принято для официальных армейских документов, названы не были, но, судя по характеру приемов, терминологии и прямым текстуальным соответствиям с его последующими книгами, автором джиуджитсуйской главы стал наиболее известный в то время специалист В.А. Спиридонов.

Нельзя не сказать, что это заведомо неудачное руководство получило самую лестную оценку на страницах учебника для курсантов и слушателей Ленинградского военного дважды краснознаменно-

Приёмы джиуджитсу приведенные в наставлении «Способы защиты и нападения без оружия»

го института физической культуры «Рукопашный бой» в 1979 году: «Большим событием в развитии физической подготовки... и, в частности, рукопашного боя было введение в действие в 1924 году руководства «Физическая подготовка РККА и допризывной молодежи»... Руководство «Способы защиты и нападения без оружия (борьба, бокс, джиу-джитсу)» значительно обогащало рукопашный бой, так как включало приемы нападения и самозащиты, а также приемы обезоруживания противника. Эти руководства сыграли положительную роль в определении содержания и методики обучения приемам рукопашного боя».

Думаю, что дело было здесь не в цензуре, а если и в цензуре, то только «внутренней». Тогда говорить о какой-то неудаче в любой из сфер советской действительности было весьма и весьма не принято. Впрочем, расхвалив поначалу руководство, авторы учебника тут же были вынуждены признать фактическое положение: «Данное руководство не получило широкого распространения в Красной Армии... а подготовка к рукопашному бою в войсках проводилась по-прежнему на занятиях по строевой и физической подготовке и сводилась преимущественно к отработке подготовительных упражнений с винтовкой».

Значительно откровеннее высказались А.М. Ларионов и А.Н. Потапчук в брошюре «Развитие рукопашного боя в Вооруженных силах СССР», выпущенной тем же институтом шесть лет спустя. Хотя и им тоже пришлось, в конце концов, подсластить пилюлю, и в тех же самых словах, что и в учебнике: «Приемы, включенные в третью главу «Джиу-джитсу» для рукопашного боя в Красной Армии, не представляли никакой практической ценности, поэтому они не получили широкого распространения, но вместе с тем (!!! — М. Л.) сыграли положительную роль в определении содержания и методики обучения приемам рукопашного боя».

Однако единственным, что можно было бы назвать положительным, явился тот отрицательный опыт, который принесла эта книжка.

Вскоре, в 1927-м году, вышла в свет книга того же Спиридонова «Руководство самозащиты без оружия по системе джиу-джитсу». Предназначалась она сотрудникам ОГПУ, но была официально одобрена и Инспекцией физической подготовки Красной Армии. Однако к числу обязательных для использования в армии отнесена не была. Если спиридоновская, чисто полицейская система в основном и удовлетворяла требования правоохранительных органов тех лет, то соответствовать возросшему мировому уровню военного рукопашного боя она уже не могла. Так что в этой области мы все еще заметно отставали от заграницы.

То же самое можно сказать и об оснащении методами рукопашного боя милиции. Царская полиция сделала в этом направлении всего лишь первый шаг и, не успев сделать второго, была разогнана в феврале 1917-го. В тяжелейших условиях войны и небывало возросшей преступности место старой полиции заняли революционные студенты с трехлинейками за плечом и иные случайные люди из добровольцев, не имевшие никаких профессиональных навыков. Одиозное слово «полиция» еще

тогда заменили либерально-демократическим «милиция», то есть «народное ополчение», «вооруженный народ». Насколько известно, в этот период необходимые приемы самозащиты преподавались милиционерам только в одном российском городе — Владивостоке, где в здании клуба «Спорт» вел обучение единственный в стране дзюдоист первого дана В.С. Ощепков.

Пришедшая на смену демократически-керенской пролетарская милиция обладала таким же, если не еще более низким профессиональным уровнем. Однако все более нараставшая волна преступности заставляла начать работу по «ликвидации профессиональной неграмотности», в том числе и в области самозащиты. Эта работа, проходившая не централизованно, а разобщенно, местными силами, давалась с большим трудом. Однако в столице уже с 1920 года в Московской школе милиции В.А. Спиридонов начал преподавать курсантам джиу-джитсу.

Как обстояло дело на периферии, хорошо показывают воспоминания А.М. Рубанчика: «Еще до революции в моде были книжки по джиу-джитсу, и кто из нас, тогда еще молодых ребят, не мечтал узнать приемы джиу-джитсу, чтобы, как тогда говорили, стать на голову выше незнающих эти приемы... Вплоть до 1926 года не было ни одного кружка, где бы занимались этим видом борьбы... В 1927-м году и я, попав преподавателем физкультуры в школу милиции в г. Новочеркасске, будучи знаком с борьбой и зная отдельные ее запрещенные приемы, ознакомившись также с литературой по джиу-джитсу, начал преподавать. Проработав год и накопив некоторый опыт преподавания, я тогда стремился пополнить свои знания и приобрести технику владения приемами джиу-джитсу...»

С годами у практических работников появились и свои, пусть не всегда удачные разработки, которые и ставились на вооружение. Об этом упоминает Спиридонов.

Только с 1927-го года советская милиция попала в орбиту Пролетарского

спортивного общества «Динамо». Теперь в милицеских структурах тоже была задействована система Спиридонова, которая прежде культивировалась только в ОПТУ, куда входили и пограничные войска. Однако специально для милиции спиридоновское руководство 1933-го года было выпущено только в 1935-м году и без единой иллюстрации.

Что же касалось гражданского населения, то здесь отмечалось явное желание спортивных верхов воспитать у молодежи — будущих красноармейцев — некоторые боевые навыки, в том числе и рукопашного боя, и столь же явная неспособность это осуществить. Так, предложенный еще в 1924-м году Научно-учебным комитетом ВСФК проект «Примерной программы клубных летних занятий для возраста старше 16 лет» предусматривал преподавание юношам «элементов фехтования, борьбы, бокса и джиу-джитсу». Для реализации этого, понятно, возможности не было, и дальше проекта дело так и не пошло.

В те же 20-е годы в спортивно-административных структурах создавались секции, то есть отделы «защиты и нападения», ведавшие французской борьбой, английским боксом и фехтованием. Однако же сами эти виды спорта владели довольно жалкое существование.

Стоит отметить, что в середине 20-х годов была предпринята первая и ставшая последней попытка выпуска учебных фильмов по тематике «защита и нападение», рассчитанных на широкую зрительскую аудиторию, но так до нее и не дошедших.

Еще в 1925-м году появляется «Культурфильма заграничного производства «Джиу-джитсу» (1 час 45 минут, 415 метров). Разрешена Главным репертуарным комитетом для всякой аудитории. Отдельные моменты борьбы джиу-джитсу» (скорее, все-таки — дзюдо — М. Л.).

В следующем году Всероссийское акционерное общество Советского кино — «Совкино» — выпустило в прокат, среди прочих «физкультурных фильмов», одночастевки «Бокс» (198 метров) и «Защита и нападение» (285 метров), тоже «благословленные» ГРК «для вся-

кой аудитории». Упоминается в печати также кинолента «Бокс» в двух частях. Ни одну из этих лент мне так и не удалось обнаружить в красногорском киноархиве.

Как мне сообщил воспитанник Спиридонова, у того хранилась какая-то кинолента. Но, учитывая закрытый характер его системы, очень маловероятно, чтобы автором фильма «Защита и нападение» был он сам. Скорее всего, это было что-то в том духе, что описа-

ли в своей книге «Защита и нападение» Яковлев и Короновский. Судя по тому, что реклама этих кинофильмов встречается и в периодике начала 30-х годов, спросом они не пользовались. Ведь для использования их в учебном процессе было необходимо кинооборудование, которым спортивные кружки не могли располагать. Так что «культурфильмы» имели разве что исключительно пропагандистский характер, да и то весьма относительный.

Глава 2

«Антисистема»

Короновского и Яковлева

Первое, что я увидел, войдя в ленинградскую квартиру Михаила Алексеевича Яковлева, была огромная штанга, разместившаяся стоймя в углу коридора. Но это была совсем не такая штанга, которые мы привыкли видеть на состязаниях и в тренировочных залах. Вместо съемных стальных «блинов» на концах ее толстого грифа были отлиты огромные чугунные шары. Да, это была настоящая «шаровая штанга», с которой когда-то, еще в позапрошлом веке, выходили на арену цирка силач-атлеты, сейчас подобный снаряд увы, уже не увидеть даже в стенах музеев.

Едва я заметил ее, у меня мелькнула благородная, но, к сожалению, неисполнимая мысль спасти этот «вымирающий» раритет от неминуемой сдачи в металлолом сразу же после смерти ее хозяина. И я даже чуть было не попросил Михаила Алексеевича подарить мне

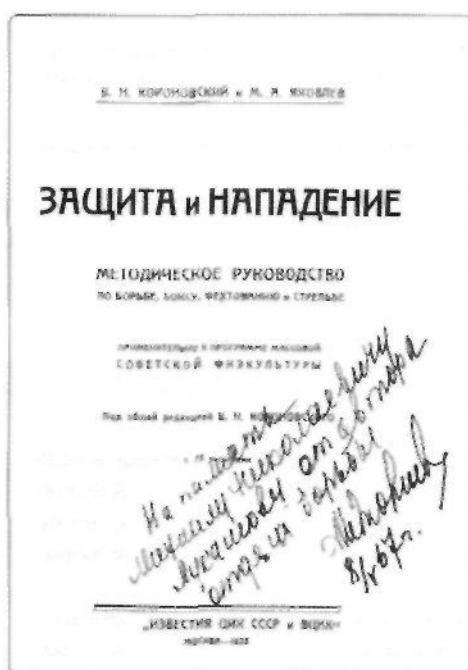
былое оружие его «производства» для передачи в музей спорта. Но стоило лишь мне представить многотрудный процесс транспортировки такой невероятно увесистой диковины, как я тут же отказался от этой благой мысли, даже не высказав ее.

Хозяин штанги, сохранивший богатырскую статью даже на старости лет, осторожно, чтобы не повредить, пожал мою кисть, утонувшую в его объемистой лапе. Происходило это в 1967 году, всего за год до его кончины...

А был Яковлев натурой весьма колоритной. Родившись в интеллигентной семье крупного инженера, он оказался «блудным сыном», предпочтя всем университетским премудростям невероятно модный тогда профессиональный борцовский ковер. Увлечательно яркий, романтичный и празднично шумный мир цирковой арены околдовал его с юношеских лет. Когда в 1905 году под ослепительным светом цирковых огней он впервые ступил на борцовский ковер, ему исполнилось всего лишь восемнадцать. Начинать Михаил как ученик теперь уже прочно, но незаслуженно забытого Т.Я. Видемана, а затем в специальном учебном атлетическом заведении самого «Дяди Вани» Лебедева прошел очень хорошую школу. Такую хорошую, что со временем стал и сам преподавать там тяжелую атлетику. Профессиональный борец и тяжелоатлет, он объездил с цирковыми труппами (как их тогда именовали, «чемпионатами борьбы») всю Европейскую Россию, Сибирь, Кавказ и Закаспийский край. При своих ста семидесяти шести

Михаил Алексеевич
Яковлев

сантиметрах роста имел вес в сто два килограмма и «настоящую» борцовскую шею окружностью в полметра. Однако при всей своей впечатляющей физической фактуре, силе и хорошем владении техникой борьбы на фоне таких великих чемпионов, как Поддубный, Шемякин, Вахтуров, большой друг Михаила, и ряда других прославленных героев борцовского ковра, Яковлев оставался всего лишь фигурой второго плана.

Не следует думать, что, отказавшись пройти курс университетских наук, Михаил Алексеевич остался полуграмотным недотепой, каким нередко представляют профессиональных спортсменов. Это был вполне интеллигентный, доброжелательный человек. В 1918 году он стал главным редактором нового и весьма интересного спортивного журнала «Борец-атлет», но смог выпустить всего лишь три номера. Большевики, признававшие исключительно только «ярко-красную» прессу, журнал прикрыли. И хотя с того времени прошло целых полвека, Яковлев заметно волновался, вспоминая свой разговор по этому поводу с неким чиновным комиссаром, которому он тщетно пытался объяснить, что уже купил для очередных номеров журнала борцовскую повесть по-

средственного, но очень известного тогда писателя Брешко-Брешковского, потратив на это все свои деньги...

Не расставался он с профессиональной борьбой и в советское время. Сейчас уже немногие знают, что Госцирк долгое время демонстрировал в провинции профессиональные цирковые чемпионаты борьбы по образцу дореволюционных. И вплоть до 1957 года их организатором и рефери являлся Михаил Алексеевич. В двадцатых - начале тридцатых годов написал несколько книг по борьбе и подниманию тяжестей. А еще работал он старшим тренером в различных спортобществах, был судьей всесоюзной категории и почетным членом президиума секции классической (ныне греко-римской) борьбы Федерации борьбы СССР.

Покидая Михаила Алексеевича, я хотя и не унес с собой вождленную шаровую штангу, но зато получил от него другой, не менее ценный презент — книгу «Защита и нападение», написанную им еще в 1925 году в соавторстве с ленинградским спортивным функционером В.Н. Короновским. Сначала Михаил Алексеевич своими большими и уже не очень послушными старческими пальцами тщательно соскоблил с внутренней стороны обложки анонс ка-

кой-то очередной работы «товарища Льва Давидовича Троцкого» и только после этого аккуратно вывел на титульном листе приятную мне дарственную надпись. Подарок был для меня действительно очень ценным. Книга являлась настоящим библиографическим раритетом не только из-за своего почтенного «возраста», но еще и как интереснейший документ своего очень непростого времени. Интересный и по содержанию, и даже по своему внешнему оформлению. На броской обложке, в стиле модного тогда в живописи супрематизма, скрещивались черные и красные линии, а большой красный круг пересекался с обведенным черно-белым контуром прямоугольником, в котором силуэтночерные боксеры вели бой.

В 20-е годы уже начинало формироваться инспирированное государственной властью общественное движение, получившее лозунг «Крепи оборону СССР!». Политическая обстановка сложилась тогда действительно достаточно напряженная, и подобные начинания являлись вполне оправданными. Создавались различного рода добровольные общества, в которых в основном молодежь, но также и люди более солидного возраста, мужчины и женщины, получали целый ряд знаний и навыков, необходимых в военное время. Необходимых не только во фронтовых условиях, но и в тылу. В первую очередь это были стрельба, защита от воздушного и химического нападения, оказание первой медицинской помощи раненым, летное дело, парашютизм, верховая езда, рубка шашкой и другое. Впоследствии это приняло форму сдачи норм на «оборонные значки»: «Ворошиловский стрелок», «Ворошиловский всадник», «Готов к противовоздушной и противохимической обороне» (ПВХО), «Готов к санитарной обороне» (ГСО) и многие другие. Но особенно выделялся в этом обширном фалеристском нагрудном «иконостасе» популярнейший значок ГТО двух ступеней («Готов к труду и обороне»). Именно этот комплекс представляет для нас с вами особый интерес, так как раздел самозащиты, обяза-

тельный не только для мужчин, но и для женщин, подготовил там не кто иной, как знаменитый Василий Сергеевич Ощепков, основоположник самбо. Однако об этом в свое время и в своем месте...

Но все это придет в будущем, а пока для этого лишь закладываются первоначальные основы. Книга Короновского и Яковлева вышла в свет всего через три года после того, как на Дальнем Востоке отгремели последние выстрелы беспощадной пятилетней Гражданской войны. В воздухе все еще витала вполне реальная угроза новых сражений. В таких условиях насущно необходимым являлось не только всемерное укрепление армии, но и какая-то военная подготовка ее молодежного резерва, обучение молодежи в рамках массовой физической культуры военно-прикладным видам спорта, которые фигурируют у авторов под объединяющим названием «Защита и нападение». Свою задачу они сформулировали следующим образом:

«В практике массовой физкультуры ощущается неотложная необходимость в компактном, но вместе с тем достаточно подробном руководстве по комплексу видов спорта, составляющих в советской физкультуре отдел «защиты и нападения». Применение этого отдела на практике задерживалось, так как в нем не было ясности и методических указаний.

Авторы этой книги делают скромную попытку систематизировать этот отдел под углом зрения массовой физкультуры. Конечно, такой большой вопрос не может быть исчерпан сразу, хотя бы данным трудом.

Предстоит целая серия поправок, улучшений и пр., и за всякие указания в этом отношении авторы будут только благодарны.

Размер книги и перегруженность повседневной работой не позволили, к сожалению, авторам более детально разработать отдел стрельбы и отдел фехтования.

Глава по борьбе написана М.А. Яковлевым, главы — вступление,

бокс, фехтование и стрельба написаны В.Н. Короновским».

О неотложной важности поставленной задачи говорило уже то, что книгу опубликовало не какое-нибудь второстепенное издательство, а непосредственно «Издательство ЦИК СССР и ВЦИК», то есть верховных законодательных, исполнительных и распорядительных органов Советского Союза и Российской Федерации.

Но при всем том авторы начинают книгу), говоря о неудовлетворительной работе в данной области и о стоящих перед ними трудностях, предлагая пути их преодоления и намечая какие-то контуры организационно-методических основ работы:

«Вопрос, которому посвящена эта книга, продолжает оставаться «деликатным» вопросом среди многих других, в принципе, разрешенных, но не детализованных методически вопросов физической культуры трудящихся.

Попытка печатных периодических изданий В. С. Ф. К. развернуть дискуссию по отдельным видам защиты и нападения — борьбе, боксу, фехтованию, — не увенчалась успехом и не дала конкретных результатов. Причина этой неудачи лежит в том, что защита и нападение, введенные в серии нормального урока советской физкультуры, не нашли еще своих методических основ и форм массового преподавания. Большинство инструкторов довольно слабы в вопросах защиты и нападения. Врачи не имеют в руках достаточных данных для серьезной «борьбы с борьбой». Опыт критиков не конкретизован, опыт массовых педагогов защиты и нападения в условиях советской физкультуры недостаточно оформлен. Эти условия делают разрешение вопроса чрезвычайно затруднительным. Но почин должен быть сделан, несмотря даже на то, что многих данное разрешение вопроса не удовлетворяет и, может быть, только некоторым даст мысль взять перо в руки для того, чтобы дополнить, развить, уточнить схему, изложенную в этой главе. Если это последнее будет иметь место,

то и тогда цель этой книги будет достигнута.

Но в книгу вложена еще одна важная практическая мысль. Книга должна дать подробное руководство, главным образом, для инструкторов. Эта же книга должна служить руководством для начинающих и для массовиков-физкультурников по отделу защиты и нападения. Область эта такова, что для усовершенствования и усвоения требует от ученика обязательно самостоятельной работы, тренировки, вдумчивого систематического усвоения каждого приема, каждой комбинации, каждого навыка. В этом заключается необходимое условие для самых даже скромных успехов в области защиты и нападения. Здесь содержится стимул для усовершенствования функций своего тела, для постоянной работы над собой. В этих условиях, вероятно, и лежит секрет малой сравнительно популярности у нас и распространенности способов защиты и нападения. Наши массовики-физкультурники не обладают еще достаточным сознательным подходом к работе без инструктора. Мы все еще слишком много полагаемся на целительное влияние двух уроков в неделю. Мы все еще мало внедряем физкультуру в быт взрослого рабочего, который должен и может работать над собой самостоятельно, пользуясь наблюдением инструктора-массовика. У нас — русских — очень мало настойчивости, упрямства в достижении раз намеченной цели.

Защита и нападение обладают в высокой степени способностью организовывать характер, силу воли, хладнокровие, решимость, храбрость и другие весьма ценные качества, необходимые для нового человека.

Занятия защитой и нападением дают полезные практические навыки, необходимые в условиях войны.

Психика занимающегося изменяется в сторону выдержки, уверенности в себе и значительной устойчивости. Нервные реакции уточняются и ускоряются; отдельные органы, в особенности конечности, усваивают способность слож-

нейшей координации во времени и пространстве. Тренировка создает навык, условный рефлекс, который нагружает центральную нервную систему и делает занятия неустойчивыми для мозга. Защита и нападение вводит в работу крупные массы мышц (вплоть до мельчайших) и научают получать максимум результата при затрате минимума усилий.

Естественные био-механические силы тела — сила падения, упор, трение, перемещение центра тяжести и пр. — используются при этом в полной мере и с должной экономичностью. Разнообразные и многочисленные движения шлифуют суставные поверхности и этим повышают культуру движения вообще.

Внутренние органы получают надежную опору в мускулах и костях и вследствие усиленной работы, массажа, потоотделения и усиленных окислительных процессов оздоравливаются, укрепляются и приобретают стойкость при утомлении и сопротивляемость при различного рода инфекциях.

Таким образом, защита и нападение вырабатывают целый ряд весьма ценных и здоровых психо-физических качеств.

Если это так, почему же, все-таки, имеются противники защиты и нападения? Противников этих можно разбить на две категории: к первой категории относятся те, которые не знают практически ни одного из способов защиты и нападения, учиться и набираться опыта им не хочется и лень, а потому они «в оппозиции», это — легче и проще. С такими спорить трудно, да и не стоит терять времени. Ко второй группе следует отнести сознательных и отчасти справедливых критиков, указывающих в большинстве случаев на следующие минусы: 1) отсутствие методики в преподавании приемов защиты и нападения, 2) опасность нервной и мышечной перегрузки в процессе занятий, 3) отсутствие принципиальных идеологических основ, 4) отсутствие достаточного материала и результатов врачебных наблюдений и контроля над

занимающимися борьбой, боксом, фехтованием.

Эти упреки имеют свое основание, но они не относятся к таким, которых нельзя было бы изжить. Защита и нападение включают в себя сильные, если можно так выразиться, средства физического развития, и применять их следует, конечно, не по желанию и внутреннему убеждению каждого отдельного инструктора, а руководствуясь определенными указаниями науки.

Стоит все-таки установить, что заниматься защитой и нападением должны и могут все без исключения, начиная с 15-летнего возраста. Действительно — защита и нападение в программе советской физкультуры обнимает собой ряд практически полезных и необходимых навыков, которые можно регулировать и выбирать по силам, возрасту, полу и степени физической подготовленности каждого занимающегося. Стрельба, фехтование, борьба, бокс дают достаточное количество ступеней, на которые может встать занимающийся по своему выбору, по своим силам и по указанию инструктора и врача.

Кроме того, физиологическое влияние занятий каждым видом защиты и нападения можно усилить или ослабить в зависимости от силы группы занимающихся. Степень достижений также должна учитываться и регулироваться возрастом и общим физическим состоянием. В юношеском возрасте до 18 лет в период формирования организма, в период усиленной работы сердца, нагрузка не может быть большой, и сильное мышечное напряжение не должно иметь места. Следовательно, возраст 15—18 лет является возрастом подготовительным к достижениям в отдельных видах защиты и нападения. В этом возрасте ученику следует преподавать отдельные приемы и сноровки, рассчитанные, преимущественно, на ловкость и быстроту и требующие небольшого кратковременного напряжения с последующим отдыхом и отвлекающими движениями. Костяк учеников в этом возрасте еще не окреп, поэтому целый

ряд приемов защиты и нападения, влекущих за собой сдавливание и задержку дыхания, резкое бросание на землю, падение на спину, удары в область головы, не должны применяться вовсе.

С 18-летнего возраста к ученикам, достаточно изучившим основные приемы, применяется уже метод плановой методической тренировки. Под тренировкой, прежде всего, следует понимать повышение активности и укрепление внутренних органов, ведающих жизненно важными функциями организма, т.е. сердца и легких. На втором месте стоит развитие становой мускульной силы и силы конечностей. Следовательно, тренировка в этом понимании носит общий характер и имеет задачей укрепить и улучшить отправления всей человеческой машины в целом. Следовательно, метод тренировки должен быть согласован с общими методическими занятиями данной группы и служить как бы усилением этих занятий в сторону выработки большей выносливости, большей силы, большей сопротивляемости и большей точности.

С этого возраста можно допускать так называемые ASSO, или схватки с противниками, равными по весу и по силе. Эти схватки должны допускаться только под наблюдением инструктора и на очень короткий промежуток времени; например, во французской борьбе срок схватки 3-5 м., боксе — 1-2 м., фехтовании — 2-3 м.

Эти схватки необходимы в порядке тренировки для укрепления психо-физических качеств тренирующихся. Тренировочные схватки лучше всего указывают слабые места учеников и позволяют их выравнять. Кроме того, только в таких схватках вырабатывается логика борьбы, т.е. свободное и быстрое чередование таких приемов, которые более всего экономичны и лучше всего соответствуют данному моменту.

Постепенно сроки тренировочных схваток удлиняются, а сроки отдыха, соответственно, сокращаются вплоть до продолжительности, предусмотренной официальными правилами соревнований.

Здесь начинается уже тренировка специальная. Специальная тренировка рядовым работником может с успехом применяться только по одному какому-либо виду защиты и нападения. Специальная тренировка имеет задачей приспособить мышцы и организм таким образом, чтобы они давали максимальный эффект в строго определенном направлении. Специальная тренировка имеет конечной целью соревнование, матч, состязание. Тренировка такого рода в борьбе и боксе достаточно универсальна для равномерного развития мускулов всего тела. Тренировка по фехтованию страдает односторонностью и без корректирующих движений может принести вред. Однако всякая специальная тренировка предъявляет повышенные требования к организму. Особенно высокие требования предъявляются при ней к нервной системе. По этой причине специальная тренировка может допускаться только после совета с врачом, после тщательного обследования сердца, легких и нервной системы.

Специальная тренировка и ее финал — состязание — может допускаться только с 20-21-летнего возраста, когда костяк и мускулы окрепли, и когда общая тренировка, начатая с 18-ти лет, укрепила и всесторонне развила организм занимающегося.

Наиболее желательный возраст для специальной тренировки, для участия в различного рода состязаниях — 23 года и выше.

Теперь несколько слов о практическом подходе к преподаванию способов защиты и нападения. Это очень важный методический вопрос, который должен быть согласован с общим методом занятий в советской физкультуре. Этот метод характеризуется научностью и массовостью. Инструктор-педагог должен постоянно иметь в виду эти два основных принципа. Слабая разработанность этих вопросов в отделе защиты и нападения и являлась главной причиной нападков на отдельные виды их. Отсутствие планового подхода в методике преподавания,

спешка, форсирование, отбор нескольких сильнейших и перенос внимания на их обработку, старый дух рекордсменства, при невежественном игнорировании советов врача и данных медицинского осмотра фактически выбросили почти все виды защиты и нападения из массовой физкультуры. Очень редкий инструктор ухитряется включить в кривую рационального урока те или иные приемы защиты и нападения. Действительно, такое включение требует, прежде всего, знания подхода к преподаванию. Включение приемов защиты и нападения в массовый урок возможно при условии крепкой дисциплинированности группы; следует заинтересовать группу и побудить самих занимающихся поддерживать порядок.

Изучение отдельных приемов следует преподносить без длинных рассуждений, повторяя их исполнение по несколько раз, причем менять исходные положения и включать между ними элементы тренировки и отвлекающие движения.

Рис. Запрещённый ключ с выворачиванием руки.

Весьма трудно удержать учеников от форсирования периода подготовки и перехода к специальной тренировке, к схваткам, выступлениям и пр., не считаясь со своими силами и с приобретенными навыками. Такое форсирование — одно из больных мест массовой физкультуры. Последствия такой спешки печальны: надлом сил занимающегося, разочарование при первых неудачах и быстрое охлаждение к дальнейшим занятиям. Особенно ярко это сказывается при занятиях боксом. Здесь каждый начинающий стремится, во что бы то ни стало, выступить на ринге, и в результате — встрепка, после которой надолго отпадает охота заниматься боксом. Победа в этом случае приносит еще худшие результаты, так как отсрочивает расплату за несерьезную подготовку.

Борьба с этим явлением заключается в проведении планомерной и тщательно осуществленной общей тренировки и в изменении распространенного взгляда на борьбу, бокс и вообще на все виды защиты и нападения, как на «мордобитие», «ломание костей» и др. «Публика» у нас привыкла к «демонстрациям» и «зрелищам» защиты и нападения на сцене и в цирках, и товарищи-«знаменитости» — хранители ковчега премудрости, секретов и школ каждого вида защиты и нападения — немало способствуют, может быть и против своего желания, упрочению и укреплению взгляда на занятия защитой и нападением, как на зрелище. Вся подготовка мало-мальски способного ученика сводится зачастую к его встрече с «противником», таким же способным учеником другого преподавателя, другого инструктора. Центр внимания сосредоточивается на одном или немногих. С ними инструктор занимается, остальные же под благовидными предлогами от этих занятий отдаляются. Здесь сказывается неумение или нежелание инструктора взять в общую тренировку отстающих, т. к. малая успешность объясняется почти всегда общей физической неподготовленностью ученика. В этом

заключается весь секрет успеха и воспитывающая сущность занятий защитой и нападением: эти занятия заставляют ученика сознательно, настойчиво и методически подготавливать свое тело и дух к повышенным требованиям, предъявляемым почти каждым видом защиты и нападения.

Далее совершенно необходимо изменить метод подхода к изучению защиты и нападения. Он должен быть массовым. Этого у нас нет. Практически знают, что стоит двум-четырем заниматься тренировкой по боксу, как вокруг них собирается толпа, зачастую гикающая, смеющаяся и мешающая работать. Если бы тренировка и занятия имели бы массовый характер, это было бы привычным и не служило бы «зрелищем». Следовательно, возникает вопрос о специальном оборудовании помещений для занятий защитой и нападением.

В каждом гимнастическом зале должен быть достаточных размеров один или два ковра для борьбы, несколько мешков, пен-чинг-болл, скакалки, маты для фехтования и прочий реквизит, который позволял бы одновременное занятие различными видами защиты и нападения группы в 30-40 человек.

В смысле порядка введения видов защиты и нападения в план занятий и в план оборудования помещений следует ставить на первом месте по экономичности оборудования и по универсальности воздействия на организм борьбу, на втором — бокс, дальше фехтование и стрельбу...

При тренировке весьма важно помнить, что специальных защитительных органов в человеческом теле нет, и что эти органы в защите и нападении заменяются сознанием и умом, в одно мгновение создающим все необходимые виды защитительных приемов во времени и в пространстве, конечно, по силам данного организма. Важнейшую часть тренировки составляет развитие этой творческой защитительной и нападательной энергии. Когда один прием логично и без усилий переходит в другой, когда финты или обманы при-

меняются именно так, как нужно, чтобы произвести затем нападение, когда прием защиты всегда дает возможность самому перейти в нападение, тогда можно сказать, что неведомый нам сложный аппарат защиты и нападения, который состоит из инстинкта, рефлексов, силы, хитрости и прочих психологических и физических элементов, готов к работе, налажен и в любой момент готов действовать. Человек тогда вооружен постоянным оружием, которое он носит внутри себя. Таким образом, все же и здесь в области защиты и нападения хозяином положения в конечном итоге является ум, организация и выдержка нервной системы, которая управляет средствами защиты и нападения — мускулами и костяком».

Хотя книга Короновского и Яковлева имела нейтральный подзаголовок «Методическое руководство применительно к программе массовой советской физкультуры», имела она отнюдь не только спортивную направленность, но явный военно-прикладной характер. Об этом прямо говорилось в ее вступлении: «Занятия защитой и нападением дают полезные практические навыки, необходимые в условиях войны». Впрочем, подобного специального предупреждения вовсе и не требовалось, вполне достаточно было ознакомиться с содержанием, просмотрев все ее четыре раздела. Раздел стрельбы едва ли нуждается в специальном комментарии. Фехтование на облегченных саблях-эспадронах тоже было тогда сугубо военно-прикладной дисциплиной, так как шашка оставалась на вооружении Красной армии даже еще в годы Великой Отечественной войны. Что же касается разделов английского бокса и французской борьбы, то эти спортивные единоборства преподносились в качестве способов ведения рукопашного боя без оружия.

Именно такое понимание назначения спортивных единоборств пропагандировал и «лучший, талантливейший поэт советской эпохи» — Владимир Маяковский в своих стихах:

*«Знай
и французский,
и английский бокс,
но не для то/о,
чтоб скулу
сворачивать вбок,
а Для того,
чтоб, не боясь
ни штыков, ни пуль,
одному обзоружить целый патруль».*

Стихотворение это было многозначительно озаглавлено:

*«Мускул свой,
дыхание и тело
тренируй
с пользой для военного дела».*

В системе советской «орбоченной физической» культуры» названные выше виды спорта были объединены в единый военно-прикладной комплекс, а во Всероссийском совете физической культуры был создан руководивший ими специальный отдел, который так и именовался — Секция защиты и нападения.

Рассмотрение глав книги Короновского и Яковлева, посвященных стрельбе и фехтованию, выходит за пределы нашей темы, и я останавлиюсь только на том, что и как преподносилось в ней в качестве способов ведения рукопашного боя без оружия. А были это довольно добротные изложенные Яковлевым техника, тактика и правила французской борьбы и не самый удачный перевод английского пособия по боксу, сделанный супругой Короновского.

Так как авторы пренебрегли модными японскими приемами, предпочтя им бокс и борьбу, они обязаны были ответить как минимум на два вопроса: почему они забраковали общепризнанное в те годы джиу-джитсу и какими преимуществами, по сравнению с ним, обладали рекомендуемые в книге чисто спортивные единоборства? Отвечать довелось Михаилу Алексеевичу.

Как каждый силач — профессиональный борец, он не принимал джиу-джитсу всерьез, но, объясняя свою позицию и стараясь быть объективным, написал о джиу-джитсу следующим образом:

«Эта система защиты и нападения в свое время наделала много шума и вызвала всевозможные толки и разговоры. Но позже, когда пора рекламы прошла, и система джиу-джитсу вошла в жизнь, то несостоятельность ее оказалась слишком очевидной. И у нас в России, несмотря на все старания предприимчивых людей, она вскоре отцвела, не успев расцвести. Однако бесспорно, что знать ее, чтобы прибавить в багаж своих познаний еще что-либо, не мешает. Но увлекаться ею и отдавать золотое время, которое с большим успехом может быть посвящено изучению и тренировке более существенными, красивыми и полезными видами спорта, было бы легкомысленно. К тому же рядом с джиу-джитсу упоминание слова «спорт» будет весьма некстати, ибо это слово говорит само за себя, а вся суть и цель джиу-джитсу эти понятия исключает. Многие несведущие люди, особенно после Русско-Японской войны, которая, как мы знаем, кончилась не в нашу пользу, решили, что все, что исходит от японцев или носит их фирму, хорошо, полезно и, главное, страшно. Все это скрепляла свежая действительность, которая говорила: «Ведь вот такие маленькие, а как здорово нам нахлопали. Значит, они все могут», и т. д.

Но спортсмены-практики, изучавшие настойчиво и основательно всевозможные виды защиты и нападения, не так легко поддаются обаянию всеобщей молвы.

Большинство из них весьма скептически отзывалось о джиу-джитсу как о «спорте» или как о «способе защиты и нападения». Мы не ошибемся, если сформулируем приговор над джиу-джитсу в следующих словах: гораздо полезнее знать борьбу французского стиля и бокс. При этих знаниях никакой самый тонкий знаток джиу-джитсу вам не страшен.

Подробное и всестороннее освещение системы джиу-джитсу не входило в задачу этой книги. Но так как вопрос об этой системе защиты и нападения так нашумел и многими считается столь модным и чуть ли не животрепе-

ущим, то, чтобы не вызвать в некоторых сомнениях насчет честного и нейтрального отношения к той или иной системе самозащиты и нападения, приходится примириться с необходимостью уделить место для выдержек из одной популярной книги на этот счет. К тому же, чтобы, прочтя книгу «Защита и нападение», читатель не был бы удивлен отсутствием более подробного подхода к разбору «Джиу-Джитсу», как лучшей, быть может, по его мнению, системы «защиты и нападения», предлагаем читателю дословно то, что содержит следующая выдержка...»

При нашем с ним разговоре Михаил Алексеевич уже не смог вспомнить, что это была за «популярная книга», но сказал, что ее автором был «кто-то из кружка доктора Краевского». Боюсь, что при таком «точном» указании я бы и сегодня все еще разыскивал эту «популярную», но таинственную книгу, если бы не обнаружил ее... в своей собственной библиотеке. Но это вовсе не была работа кого-то из учеников «Старого доктора». Яковлев опирался на уже сильно обветшавший авторитет известного нам с вами Георга Цадига и цитировал антиджиуджитсую филиппику из его, если и популярной, то лишь пятнадцать лет назад, книги «Борьба. Новейшие приемы французской борьбы чемпионов мира и известнейших борцов». Вероятно, почтенный возраст источника и его «буржуазное происхождение» и заставили Яковлева или его редактора «засекретить» имя немецкого автора и название книги.

Завершал Михаил Алексеевич не столько свои суждения, сколько почтенного доктора Цадига такими словами:

«К этому можно добавить: все, что может жить и приемлемо в жизни, показывает сама жизнь. Людям свойственно увлекаться теми вещами, которые широко рекламируются, и тем печальнее кончается это увлечение, когда подходят к предмету ближе.

В спорте, в увлечении различными видами его, как нигде, существует тяга к чему-нибудь модному, часто только потому, что это последнее много обе-

щает и мало требует.

Все хотят быть здоровыми, сильными, крепкими и красивыми, но не каждый имеет волю (ибо желания одного мало) работать над собой для приобретения перечисленных благ. Отсюда погоня за дешевкой и рассуждение такого свойства: «Помилуйте, зачем быть сильным, большим и здоровым, когда к вашим услугам системы вроде джиу-джитсу, при помощи которой вы будете в состоянии противостоять любому».

Тот, кто работает над собой, знает цену подобным рассуждениям, — это плод досужей фантазии и физического вырождения».

Сегодня подобное безапелляционное суждение, к тому же основанное на незнании предмета, может вызвать только лишь недоумение. Разумеется, и бокс, и борьба воспитывают не только ценные психофизические качества бойца, но приносят еще и определенные боевые навыки, способные пригодиться в рукопашной схватке. В годы Великой Отечественной войны и боксерский удар, и даже ловко исполненный бросок французской борьбы не раз спасали жизнь нашим солдатам. И это удавалось не только прославленным чемпионам страны, таким, как Николай Королев или Николай Штейн, но и рядовым спортсменам. Но ведь говорить здесь о какой-то цельной продуманной системе, конечно же, не приходится. Были всего лишь отдельные, разрозненные, но очень удачно и вовремя использованные приемы.

Доктор Цадиг не лгал: в арсенале французской борьбы существовали и удушения, и запрещенные членовредительные приемы. Однако почти все они были малопригодны за пределами специфики коварной борьбы. Главным образом, они представляли собой трюки, рассчитанные не на повреждения, а всего лишь на незаметное для рефери причинение боли сопернику с тем, чтобы, используя момент шока, уложить его на лопатки. Вместе с тем, при невероятных перехлестах докторской критики только что завезенное в Европу джиу-джитсу действительно хромало на обе

ноги, еще не успев очиститься от ряда несовершенных приемов и компрометирующих, спекулятивных потуг невежественных алчных дельцов. Но правдой являлось и то, что, при всех очевидных изъянах, предлагаемые японцами способы оставались единственной существовавшей в то время цельной системой, располагавшей всем спектром необходимых в бою приемов: болевыми, удушениями, ударами, бросками и удержаниями. И выплескивать ее несомненные достоинства вместе с грязной накипью спекуляций и недоработок было просто неразумно. Ведь это и был тот самый перспективный материал, над которым можно и нужно было работать, добываясь наиболее эффективных вариантов и сочетая их с ценными элементами иных единоборств, отсутствующими в джиу-джитсу.

Строго говоря, можно скомпоновать какую-то систему и идя по пути продуманного комбинирования боксерских ударов и защит с борцовскими захватами и бросками, в том числе и запрещенными (в связи с этим можно вспомнить сделанные в 1941 году чемпионом СССР, заведующим кафедрой бокса Московского института физкультуры К.В. Градополовым разработки способов использования боксерских навыков в военном рукопашном бою, в том числе при обезоруживании). Но при всех стараниях подобной «системе» будет катастрофически не хватать действенных болевых приемов, в первую очередь обезоруживания, эффективных бросков и ударов, отсутствующих в арсеналах французской борьбы и английского бокса. Не нужно забывать и то, что подобное гипотетическое сочетание борьбы и бокса должно бы быть тщательно продумано, технически и тактически разработано, опробовано и только после этого в готовом виде преподнесено читателям учебного пособия. Увы, но авторы «Защиты и нападения» ничего подобного и не подумали сделать, переложив решение мудреных проблем на тех читателей, которые решили бы последовать их рекомендациям. И это

притом, что книга адресовалась даже начинающим для самостоятельного изучения. Стоит вспомнить еще и о многозначительной ссылке на «неотразимые» запрещенные приемы французской борьбы. На фото вы видите, как в книге демонстрировали такой прием — «запрещенный ключ с выворачиванием руки», то есть вариант загиба руки за спину с дожимом кисти.

Естественно, что на страницах книги подобный «действенный» прием фигурировал всего лишь в единственном числе. В спортивном руководстве, рассчитанном на массового читателя, было просто невозможно пропагандировать запрещенные членовредительные приемы, и ссылка на них в тексте являлась всего лишь рекламным «выстрелом в воздух».

Совершенно справедливо указывая на крайне плохое состояние работы по существу важному «отделу советской физкультуры — защите и нападения», Короновский и Яковлев все-таки в большей степени ограничиваются призывами к улучшению, а не предложением конкретных эффективных методов. Да и предлагать-то тогда, в условиях значительных материальных затруднений и отсутствия полноценных научно-методических разработок, которые подменялись шумной псевдонаучной неразберихой в оценке целого ряда видов спорта, в частности и бокса, и борьбы, еще было нечего.

Их книга стала «первой ласточкой» в советской литературе по рукопашному бою для гражданского населения, но вместе с тем и «первым блином». Который не может не выйти комом. В полной мере проявилась у них характерная для тех лет опасливая перестраховочная сверхосторожность, когда к полноценным занятиям и соревнованиям по борьбе и боксу стремились допускать спортсменов лишь на третьем десятке лет их жизни.

Необходима была цельная система рукопашного боя. То есть выделение наиболее ценных в реальной схватке элементов и органичное объединение их в единое целое, где «боевые» приемы

борьбы разумно и эффективно увязаны с действенными ударами бокса. Но называть системой то, что авторы преподавали читателям, ни в коем случае нельзя, скорее это некая «антисистема»! Давалось всего-навсего не всегда правильное описание техники двух разных и совершенно обособленных спортивных единоборств, если чем и объединенных, то, единственно, общей книжной обложкой и причислением к «отделу защиты и нападения».

Собственно говоря, авторы явно и не ставили перед собой такую непосильную сверхзадачу, как создание единой цельной системы. Пожалуй, даже и помыслить об этом не могли. Нужно было еще пережить и преодолеть этот неизбежный, младенчески беспомощный этап, освоив его отрицательный опыт. А время для рождения полноценных отечественных систем еще не наступило, хотя были уже способные специалисты, которые над этим работали...

Глава 3

Не тот «Спартак» и не та система

Вы, конечно, обратили внимание на то, что авторы рассмотренной в предыдущей главе книги называют проблемы обучения «защите и нападению» «деликатным», то есть в данном случае — затруднительным, вопросом; упоминают о некой дискуссии и прямо говорят о противниках культивирования бокса, борьбы и фехтования. То есть всего того, что составляет основу системы защиты и нападения.

Это может показаться довольно странным и не совсем понятным. Ведь с первых же лет советской власти физической культуре уделялось очень большое внимание, и был сделан гигантский шаг в развитии именно массовости физкультурного движения. Как писали тогда: «охвачены» все, начиная с детского сада. И это было правдой, да еще притом, что занятия для всех были совершенно бесплатными. А здесь вдруг какие-то преграды на пути развития именно «оборонных», как их тогда именовали, видов спорта. Да еще как раз в те чреватые новой войной годы, когда не только наши громкоголосые вожди и пресса, но и бесчисленные плакаты со всех стен и заборов призывали «крепить оборону СССР!».

А дело было в том, что любые непродуманные и беспощадные потрясения, как бы их не называли — революцией или реформами, неизбежно вызывают самые разрушительные последствия. Психоз подобных потрясений всегда развязывал руки невеждам и посредственностям, возомнившим себя единственно истинными глашатаями новой эпохи. Их заумные экзерсисы никак

нельзя назвать тихим помешательством, уж очень оно было громкоголосым и разрушительным! Время было революционным. Слишком революционным!

Ленин настоятельно утверждал, что необходимо взять все ценное из старой, «буржуазной культуры», говоря, что, лишь обогатившись ее достижениями, можно создавать нечто новое. Увы, но эти слова, как и ряд других важнейших мыслей вождя революции, оказались преданными забвению. В жизнь сокрушительно воплощался понимаемый с наивным буквализмом лозунг разрушения всего «старого мира». Причем не как-нибудь, а непременно под корень — «до основания». А уж затем предполагалось приступить к построению сияющего своими совершенствами нового мира. И нужно отдать справедливость: с разрушением все обстояло просто прекрасно. В тучах пыли рушились на землю взорванные замечательные храмы, простоявшие долгие столетия и имевшие мировое культурное значение. Неустанно сносились древние крепостные стены, башни и триумфальные арки, ставшие вдруг помехой жиденькому уличному движению. Уплывали за рубеж в обмен на звонкую валюту уникальные иконы вместе с полотнами Рембрандта, Рубенса и Тициана... Да, в разрушении были достигнуты небольшие и несомненные успехи, чего никак нельзя сказать о созидании. Пресловутый стерильно-классовый подход творил и здесь свое «доброе» дело. При подходе с таких безукоризненно классовых позиций оказывалось, что вовсе нет и никогда не было общечеловеческой

культуры. А существовала всего лишь буржуазная, которую проданные демагоги хитро скрывали под общечеловеческой упаковкой. Культуру эту следовало начисто упразднить и создать взамен ее свою родную — пролетарскую! Трудно даже представить, сколько причинили вреда и как задержали развитие подлинной свободной культуры все эти Пролеткульты, Р.А.П.Пы (Российское объединение пролетарских писателей), АХРРы, ЛЕФы и осуществлявшие их «передовые» идеи красные чиновники!..

Само собой разумеется, что физическая культура, являясь частью общей культуры, тоже не могла не пострадать от чрезмерного «классового» усердия и лжереволюционных псевдноваторских завихрений. Скудоумные теоретики обнаруживали вдруг, что и фехтование, и бокс, и борьба, и целый ряд других видов спорта — типично буржуазные, классово чуждые и подлежащие неукоснительному запрещению.

Почему? Потому что фехтование, бокс и борьба индивидуальные, а не командные виды спорта, следовательно, не могут воспитывать столь необходимый нашим трудящимся коллективизм. А бокс еще, сверх того, пробуждает зверские инстинкты у зрителей. Да и вообще спорт — это нечто противостоящее физической культуре и потому подозрительное и не имеющее права на существование. Состязательный момент не нужен и вреден! Долой чуждое пролетариям «чемпионство» и «рекордсменство»!!!

Но что же было нужно вышеупомянутым пролетариям? «Светлые» физкультурно-теоретические головы давали ответ и на этот, откровенно говоря, не очень ясный вопрос. Так что их критика отнюдь не имела односторонне негативного характера: одновременно внесились предложения сверхценного позитивного свойства. Самой нужной и жизнерадостной формой физкультуры для трудящихся являлась, оказывается, специальная гимнастика, движения которой имитировали тот вид трудовой деятельности, каким занимался рабочий, — «трудовые движения».

Да, да! Представьте себе: «оттрубит» свою смену на заводе наш классово родной пролетарий, а затем на досуге в охотку побалуется спецгимнастикой, в точности воспроизводящей те же самые трудовые процессы, что и на производстве. Вот вам полезное с приятным: и несомненные положительные эмоции он получит и повысит при этом свои трудовые навыки.

Очень скоро обнаружилось, что право на жизнь имеет только «пролетарская», «орабоченная» физическая культура.

Первый удар был нанесен еще в 1919 году по профессиональной цирковой борьбе: ее запретили, как и любое другое коммерческое предприятие, которые в массовом порядке подлежали ликвидации. Однако, похоже, что запрет строго соблюдался только в Москве, Петрограде и немногих крупных городах. Но по провинции даже в самые кровавые годы Гражданской войны продолжали «кочевать» цирковые борцовские чемпионаты. С введением НЭПа цирковая борьба хотя и беспощадно критиковалась, но была разрешена и существовала даже после ликвидации НЭПа, но уже на правах госпредприятия и только в провинции. И как бы ее не критиковали и не высмеивали...

Недальновидные критики закрывали глаза на то, что еще никогда в России не существовало такой захватывающей и замечательно эффективной пропаганды спорта, какую несли цирковые чемпионаты борьбы на протяжении всех первых десятилетий нынешнего века. Не одно поколение первых наших спортсменов и тренеров пришло в большой спорт, и при этом совсем не обязательно в борьбу, именно благодаря своей увлеченности цирковыми чемпионатами.

Подчеркивая противоречивость феномена цирковых чемпионатов и, на мой взгляд, тоже несколько перебарщивая в резкости оценки его отрицательных сторон, инспектор физподготовки Красной армии, комкор Борис Кальпус уже по прошествии двух десятилетий вспоминал о профессиональной борьбе так: «Обычно знакомился с ней через

Инспектор
физической
подготовки РККА,
комкор Борис
Кальпус

различные «всемирные чемпионаты» французской борьбы, устраиваемые ловкими предпринимателями одновременно в нескольких городах, с неизбежными «таинственными чемпионами» в черных, красных, зеленых и других масках.

Широковещательные афиши и плакаты изображали людей необычайной мускулатуры. Толпа валом валила в цирки и театры. Валила, несмотря на то, что были ни для кого не секретом те грубые очковитирательства, на которых были построены подобные чемпионаты. Притягательной причиной являлся не результат той или иной решительной схватки, а, главным образом, сила, мощь, близкие и желанные одинаково больному и здоровому человеку и особенно тянувшие ту категорию населения, в практике борьбы за существование которой сила и здоровье играли первостепенную роль. Постоянными посетителями этих чемпионатов в большинстве была городская трудящаяся молодежь: рабочие, служащие, учащиеся, военнослужащие. Шли туда и взрослые. Возбуждающе и бодряще действовал вид сильного, здорового человеческого тела. У хилых и слабых, преждевре-

менных неврастеников и кандидатов в туберкулезные выпрямлялась фигура, расправлялись плечи, поднималась впалая грудь, напрягались слабые мускулы, загорались энергией безжизненные глаза, появлялся на щеках румянец, уверенней и тверже звучал голос. Глядя на сильных, здоровых людей, росло желание, воскресала надежда поправить здоровье, восстановить силы; мысленно принимались решения уделять отныне должное внимание своему, пожинающему плоды невнимания телу.

Цирковая борьба, при всех ее отвратительных сторонах, имела одну положительную. Она пропагандировала силу и значение физических упражнений в деле развития физических сил и здоровья человека. Молодежь увлекалась и, увлекшись, практически вступала на путь физического оздоровления и совершенствования.

Борцы и атлеты не только на сцене и арене являлись предметами ее внимания и наблюдения. Толпа переносила свое любопытство и на их быт, всячески стараясь узнать те способы и средства, с помощью которых достигли эти «сверхлюди» удивительных результатов в области физического развития. Правда, результаты подобного интереса были различны. Одних он увлек на путь опасный и вредный — подражания и ложных идеалов, для других, сумевших здоровым сознанием определить границы полезного и вредного, ненужного, он явился толчком к заботливому отношению и уходу за своим телом, к его радужному всестороннему совершенствованию, приблизил их, так сказать, к индивидуальной физической культуре».

К этим последним, которых чемпионаты борьбы «приблизили к физической культуре», вне всякого сомнения, относился сам Борис Кальпус, его брат и немало их товарищей и единомышленников.

Разумеется, в главном Кальпус был здесь прав. Необычайно яркая и захватывающая зрелищность торжественных борцовских парадов перед началом схваток на ковре и, конечно, сами эти схватки — акробатически ловкие и вол-

ную публику — действовали на многочисленную публику поистине неотразимо. Еще никакое зрелищное предприятие не имело подобного шумного и долголетнего успеха у самой разнородной публики, как борцовские чемпионаты...

Однако профессиональной борьбой дело вовсе не ограничивалось, и революционные специалисты принялись и за борьбу любительскую, рьяно доказывая ее несомненный вред.

Каким бы сочувственным и уважительным не было мое отношение к моим героям, я убежден, что должен сказать о них всю правду, если даже она и не послужит им в похвалу. К счастью, сейчас нет или почти нет прежней необходимости «выкидывать слово из песни», коль скоро это слово не способствует стандартной розово-голубой окраске героя. Я не сказал бы всей правды, если бы не написал о том, что Кальпус был сыном своего времени и, как убежденный большевик, не мог не разделять господствовавшего тогда чисто «классового» и только «классового» подхода к любому предмету, в том числе и к физической культуре. Однако сущей правдой было и то, что при всем этом он решительно восставал против тех крайностей, которые ортодоксы пытались представить истиной в последней инстанции.

В отличие от множества мудреных правоверных теоретиков, Кальпус сам прошел отличную спортивную школу борьбы и штанги, имел свой собственный богатый чисто практический опыт и поэтому решительно восставал против неразумных крайних мнений. Дореволюционные спортивные журналы не раз сообщали о победах этого сына русской крестьянки и эстонского торговца на борцовском ковре и штангистском помосте, а на обложке одного из них была даже помещена фотография, запечатлевшая этого способного тяжеловеса в схватке на ковре. Борис, еще учась в последних классах гимназии, завоевал звание чемпиона Москвы по подниманию тяжестей, а затем побеждал и на первенстве высших учебных заведений по штанге и борьбе.

Впоследствии он много сделал для развития отечественного спорта и, в частности, рукопашного боя. А потом, будучи уже в генеральском звании комкора, как и множество других талантливых людей, был ... обвинен в измене и расстрелян...

Конечно, Кальпусу, ему вовсе не были чужды и определенные заблуждения, свойственные его эпохе, однако в главном он стоял на здравых позициях, правильность которых подтвердило время. Вероятно, наиболее показательной в этом отношении была его дискуссия с доктором Е.П. Радиным.

Ответственный работник Наркомздрава, врач Радин являлся членом ВСФК и главой советской школы педологии. Сейчас уже трудно найти человека, кому приходилось слышать даже само это слово «педология», а лет шестьдесят пять назад оно победно гремело во всех областях нашей физической культуры. И даже ведущее высшее учебное заведение именовалось тогда не просто «Государственным институтом физической культуры», но еще и «врачебной педологии». Если же заглянуть в энциклопедические словари конца тридцатых — середины пятидесятых годов, там можно прочесть краткую, но сердито клеймящую дефиницию: «буржуазная лженаука». Педологию громили тогда столь же грубо и беспардонно, как некогда делали это ее собственные адепты по отношению к чужим теориям. Такой примитивно-скандальный метод едва ли может быть симпатичным, и я должен отметить, что педология, несомненно, содержала какие-то разумные положения, хотя столь же очевидно проповедовала и заведомо ошибочные взгляды. Например, утверждения, что виды спорта, предполагающие значительную физическую нагрузку, якобы противопоказаны рабочим уже в силу неких их генетических особенностей. Доктор Радин, хотя и находился тогда в солидном возрасте, отлично усвоил весь непримиримо-воинственный, ругательный лексикон, которым шеголяли в двадцатых годах на псевдонаучных диспутах, неизменно переводя их в чисто

Кальпус на фото в сфабрикованном против него уголовном деле

политическую плоскость и уничтожая оппонентов путем обвинения их в чуждой, если даже не во враждебной идеологии. Не знаю, распевал ли он модную песенку тех лет: «И вся-то наша жизнь есть борьба, борьба!» Известно, однако, что почтенный доктор вел «непримиримую борьбу с доставшейся в наследство от буржуазного спорта «физкультурой» в кавычках, а также с «мелко-мещанскими уклонами в виде чемпионства и рекордсменства», «ломал хребет сокольской гимнастике, крепкой своим националистически-чешским, славянским, а частично и монархическим духом» (впрочем, феномен мнимого чешского монархизма так и остался им необъясненным). При всем этом выходило, что именно доктором Радиным и предводимыми им педологами, старательно внедрявшими «пролетфизкульты», «на обломках старого было воздвигнуто новое здание советской физкультуры!» Правда, места в этом здании для целого ряда видов спорта, в том числе и для борьбы, просто-напросто не оказалось. Причем все эти заумные новаторы — педологи, гигиенисты, авторы «индустриализованной» или «трудовой гимнастики» — категорически утверждали, что именно они непогрешимо и твердо на платформе марксизма и, следовательно, вешают истину в последней инстанции.

Кальпус, имевший не только солидную теоретическую подготовку, но еще

и учитывавший свой и своих товарищей богатый спортивный опыт, разумеется, никак не мог согласиться со всеми подобными псевдонаучными построениями. Был он не только самостоятельно мыслящим, но еще глубоко принципиальным и смелым человеком. Любые возражения против всех этих «пролетфизкультуровских» бредней немедленно и однозначно вызывали тяжкие обвинения «в отклонении от линии», «правых загибах» и «нездоровых уклонах». Это, однако, отнюдь не мешало Борису говорить именно то, что он думал. Теперь уже, конечно, не удастся восстановить его устных споров со слишком ретивыми «новаторами», но зато сохранились печатные источники. Ортодоксы, используя отдельные случаи грубости в игре, перетренированности спортсменов, делали из них далеко идущие выводы вообще о вреде спорта. Еще в 1924 году Борис отвечал им так: «Некоторых менее опытных товарищей подобные явления заставляют скептически относиться к соревновательным началам вообще и к наиболее распространенным видам спорта в частности; поднимаются разговоры о буржуазности спорта, о непригодности спорта для трудящейся молодежи вообще, начинаются всяческие искания пролетарской физической культуры, театрализация физкультуры, увлечение трудпроцессами и т.п.

В порыве увлечения исканиями совершается целый ряд совершенно ненужных, только тормозящих развитие такого молодого дела, как физическая культура, поступков... Спорт — ценнейшее средство воспитания активного волевого человека, превосходный метод трудовой и боевой подготовки...»

Сегодня утверждения Кальпуса видятся нам настолько самоочевидными, что и доказательств никаких не требуют, а попытки упразднить спорт и другие подобные «революционные» меры кажутся нелепыми до неправдоподобия. Но все это было, было... И бороться с подобными «радикально-пролетарскими» загибами было очень нелегко, а порой и просто опасно. Однако Борис

вовсе не собирався уступать своих справедливых и разумных позиций.

И очень скоро он публикует статью "Борьба с точки зрения физкультуры". Редакция спортивного журнала, осторожности ради, все-таки указала, что статья печатается «для широкого обсуждения», хотя обсуждать что-либо было уже поздно. Дело в том, что Борис прямо указывал, что Технический комитет ВСФК, председателем которого он являлся, уже включил борьбу «в число видов спорта, отвечающих задачам подготовки физически здорового активного волевого человека», и будет ее всячески пропагандировать. Нетрудно понять, что такое решение точно отвечало убеждению Кальпуса и было принято именно благодаря ему.

Далее кратко, но весьма профессионально он обосновывал свое решение: «Наше внимание не может не остановиться на ценнейшей, по возможным результатам воздействия на человеческий организм, разновидности упражнений, известной под общим наименованием борьбы».

Из всех физических упражнений, могущих применяться в течение всего года, борьба открывает лучшие возможности самого всестороннего развития нервно-мышечной силы человека... Борьба состоит из ряда, в большинстве естественных, движений, построенных на принципах взаимного мышечного сопротивления двух занимающихся.

Эти движения чрезвычайно разнообразны, многочисленны и сильны для всех частей тела, и поэтому даже самые мелкие мышечные группы и отдельные мышцы туловища и обеих конечностей получают достаточную работу, чтобы претерпеть заметные изменения, конечно, в зависимости от общего питания организма (оговорка, совершенно необходимая для тех лет! - М. Л.).

...Исключительную, по достигаемым результатам, воспитательную ценность имеет она и в деле развития и укрепления психических качеств человека. В борьбе воспитываются и получают широкое практическое применение, совер-

шенствуются такие психические качества и навыки, как энергия, смелость, решительность, внимание, настойчивость, хладнокровие, способность к быстрому мышлению, к быстрому выполнению принятых решений, умение рассчитать свои силы и т.п.

По влиянию на организм, борьбу не сравнить ни с одной системой гимнастики (Это уже как ножом по сердцу всем авторам «индустриальных», «трудовых» и иных идеологически выдержанных гимнастик! — М. Л.). Необходимо раз навсегда рассеять предвзятое отношение к борьбе. В определенном возрастном периоде она в полной мере индивидуально удовлетворит потребность растущего и крепнущего организма юноши, способствуя превращению его в сильного, здорового, мужественного гражданина.

С точки зрения воспитания боевых качеств и навыков, она тоже представляет немалую ценность для Красной Армии, где она уже включена в цикл видов спорта, культивируемых в порядке внешкольных клубных занятий». И очень показательно, что Кальпус имеет при этом в виду не только французскую борьбу, которую очень многие считали единственно заслуживающей внимания. Он говорит и о предававшихся забвению физкультурными организациями русской борьбе «крест-накрест», швейцарской на поясах, кавказской, башкирской, киргизской, татарской.

Доктор Радин, разумеется, не мог потерпеть такой решительной, открытой и убедительной критики дорогих его сердцу взглядов. Заявление Кальпуса, да еще публичное — через прессу, опасно подмывало фундамент того «нового здания советской физкультуры», которое «воздвиг» ученый доктор. В следующем же номере журнала появилась его гневная отповедь «еретiku», открывшая новое направление докторской борьбы и носившая выразительный заголовок «Борьба с «борьбой»». Заклучив в кавычки даже само название опального вида спорта, автор, действительно, с первого же абзаца начал решительную борьбу и с борьбой, и

с Борисом Кальпусом. Педолог вовсе старался «давить» своим авторитетом медика, спекулятивно противопоставляя его якобы недостаточно сведущему оппоненту: «Я думаю, что не найдется ни одного врача в СССР, да и во всем мире, который согласился бы с автором в этой оценке борьбы». Далее доктор выносил свой категорический приговор: если и можно заниматься борьбой, то только лишь «вполне сложившимся, крепким мужчинам не ранее двадцати одного — двадцати трех лет». При этом такой мужчина должен предварительно пройти «школу гимнастики (конечно, той, составленной из «производственных движений» — М. Л.), легкой атлетики, гребли, плавания, лыж и коньков». Людям моложе этого возраста или от природы слабым занятия борьбой непременно повредят сердце. Кроме того, борьба «несомненно развращает молодежь, то есть причает к сильным ощущениям, заглушая интерес... к педагогической рациональной гимнастике... безоговорочно превосходной для нашей рабочей молодежи».

С поразительным профессиональным невежеством этот горе-врач никак не мог понять, что для типографских рабочих-печатников, каким угрожал в качестве профзаболевания туберкулез, борьба была особенно полезна, мощно воздействуя на органы дыхания, и патетически восклицал, задавая риторический вопрос о возможности их занятий борьбой: «Друзья мои, где? — У печатников, то есть там, где процент туберкулеза в начальных формах неизбежно доходит до очень высоких цифр, если не захватывает всех в скрытой форме».

И не удержался доктор от того, чтобы не «лягнуть» своего противника хотя бы в самом последнем абзаце: «Поэтому пожелаем, чтобы врачи побольше уделяли внимания физкультуре, а практики поменьше полагались бы на одни свои силы в оценке пользы или вреда того или иного вида физупражнения».

Доктор был, конечно, уверен, что, так ловко отделав «практика», заставит его отказаться от «ошибочной» точки зрения. Да только «практик» этот был

вовсе не из тех, кто пасует перед псевдоученным нагловатым натиском и легко отступает в спорах за истину. В своей следующей обширной статье он разбил именитого педолога в пух и прах, наглядно доказав не только его неправоту, но и явную недостаточность профессиональных знаний. Так, Радиин утверждал, что ни один врач в мире не согласится с Кальпусом в оценке борьбы. А Кальпус без всякого труда опровергал это амбициозное заявление, приводя в высшей степени положительную оценку борьбы со стороны такой мировой величины, как лауреат Французской академии наук и Медицинской академии Фердинанд Лагранж. Не ограничиваясь одним этим, Борис, обнаруживая глубочайшую эрудицию, знакомил доктора Радиина с аналогичным мнением и целой вереницы других крупнейших зарубежных специалистов: профессора Ф. Шмидта, доктора Хаккеля, Тисье, Гюппе и других. И каким ни удивительным это было, но приводил все эти данные не дипломированный врач, претендовавший на главенство в научном направлении физической культуры, а совершенно безосновательно и высокомерно охаянный им «практик».

Кальпус со всей решимостью и бесстрашием отстаивал наиболее разумные и безболезненные пути развития отечественного спорта. И у него были все основания закончить свою статью такими словами: «В заключение сознаюсь, что если до статьи тов. Радиина я никогда ни на одну минуту не останавливался на мысли, что врачи могут повредить делу физической культуры, то сейчас я имел случай убедиться, что полное незнакомство с содержанием, техникой и методикой физических упражнений, естественно исключающее возможность объективно судить об их физиологической ценности, может дать иногда повод к таким нежелательным мыслям, особенно если вытекающие отсюда недостаточно обоснованные заключения делаются во всеуслышание. Поэтому, как и тов. Радиин, высказываем искреннее пожелание, чтобы врачи действительно побольше уделяли внимания легальному

теоретическому и практическому изучению... физической культуры».

После такой внушительной и научно обоснованной взбучки даже такой нагловатый и невежественно-задиристый спорщик, как доктор Радин, вынужден был приумолкнуть, а борьба получила право гражданства в системе советской физкультуры.

Отстаивать правильность своей точки зрения Борису не мешал ни авторитет оппонента, ни уважительное, дружеское отношение к нему. Он с огромным уважением и симпатией относился к своему начальнику и старшему товарищу Н.И. Подвойскому. Много полезного перенял у этого обладавшего большими революционными заслугами старого большевика. Но при всем этом Борис решительно отвергал ошибочные мнения этого уважаемого человека. Николай Ильич выдвигал такие «чисто классовые» положения: «Соревнования и рекордсменство недопустимы, они есть конкуренция, а среди рабочего класса конкуренции не может быть» (Читая такое наивное, но решительное утверждение, так и хочется закончить его чеховскими словами: «...потому что не может быть никогда!»). Разумеется, Кальпус никак не мог согласиться с подобным сомнительным утверждением и положил немало сил для организации множества состязаний самых различных масштабов. Так, в 1924 году в Киеве уже состоялось первое первенство Советского Союза по «французской» борьбе.

Не избежал преследования и еще один элемент «защиты и нападения» — английский бокс. Удар был нанесен по той же самой схеме: начиная с профессионального. Хотя слово «профессиональный» следует взять в большие кавычки. В России существовал только любительский бокс, и по нему еще с 1913 года проводились чемпионаты России. Уже при советской власти прошли первенства в 1918 и в 1922 годах, но развит бокс был очень слабо. Вернувшийся из-за границы второразрядный профессионал и тренер А.Г. Харлампиев, набрав небольшую труппу «профессионалов» из боксеров-любите-

лей, провел в Москве всего четыре выступления. Они и послужили причиной запрета. Высший совет физической культуры запретил занятия боксом, а Репертком (Главный репертуарный комитет) — его публичную демонстрацию. При этом запрещен был не только «профессиональный», но и любительский бокс. Вот тогда-то в прессе и началась пресловутая дискуссия о боксе 1924 года. Газеты и журналы печатали устрашающие карикатуры. Говорили о большом вреде здоровью, причиняемом боксом. О возбуждении «зверских инстинктов» не только у боксеров, но и у зрителей и о том, что «пролетарий не может бить пролетария по лицу».

В Ленинграде бокс периодически то запрещался, то разрешался, а боксерам не позволяли выезжать на состязания в Москву. Ярым противником бокса был председатель Всеукраинского центрального исполнительного комитета Г.И. Петровский, и на Украине запрет этого, нелюбимого председателем вида единоборства продержался аж до тридцатого года.

Известный режиссер Марк Донской рассказывал мне, как, проживая в юности на Украине, он со своими товарищами «нелегально» занимался запретным единоборством. Сочувствовавший ребятам участковый разрешил им поставить ринг в самом отдаленном и глухом уголке городского парка —

После дискуссии о боксе Высший совет физической культуры создал специальную комиссию под председательством врача К.И. Непомнящего, которого, за его приверженность к боксу, яростные оппоненты именовали не иначе как «доктор, не помнящий медицины». Комиссия, в состав которой входил такой крупный медицинский авторитет, как профессор В.В. Гориневский, провела необходимые исследования и доказала безвредность правильно культивируемого бокса.

Однако значительно большее, чем даже заключение компетентной комиссии, на судьбу нашего бокса оказало влияние приглашение советским боксерам на товарищескую встречу, сделан-

ное рабочим спортивным союзом Латвии. Отказ со ссылкой на запрет бокса был бы крайне нежелателен в чисто политическом отношении...

В 1925 году бокс получил, наконец, признание в качестве одного из полнoprавных видов спорта и, как и борьба, вошел в компетенцию специально созданной тяжелоатлетической секции Московского совета физкультуры. Работа в области бокса стала значительно активнее. Секция разработала и издала первые советские правила.

А вот французский бокс «зачах». Его основоположник в России Эрнест Лустало полностью переключился на английский и только некоторых своих любимых учеников обучил нелегкому искусству савата. О других очагах французского бокса вообще не было слышно.

Точно так же не вписалось в систему советской физической культуры и джиу-джитсу. Оно культивировалось среди сотрудников правоохранительных органов, и учебные материалы печатались, как правило, под грифом «ДСП». Отдельные же любители из «неорганизованных граждан» могли удовлетворять свой интерес только с помощью дореволюционного «Ганкока» или Кара Ашикага.

Со спортивной литературой дело обстояло очень плохо. Крупнейший специалист Г.А. Дюперрон писал: «Необычайное распространение физической культуры, которое замечается за последнее время, с тех пор, как был брошен лозунг «Физкультура — массам», сильно тормозится отсутствием литературы».

И особенно это относилось к «сомнительным», «дискуссионным» видам спорта. За восемь лет существования советской власти книга Короновского и Яковлева стала первой и единственной, посвященной боксу, борьбе и фехтованию, если не считать конспективные учебные брошюры в несколько страничек, издававшиеся Главной школой физического образования трудящихся для своих курсантов на рубеже двадцатых годов.

О второй книге, вышедшей в один и тот же год с книгой Короновского и Яковлева и говорившей о боевых видах

спорта — не только о борьбе и боксе, но даже и о джиу-джитсу, — несколько позже...

Системы Эбера и Демени разделили у нас судьбу сокольской гимнастики. Хороши они были или плохи, но «буржуазное» происхождение делало нежелательным их использование в «стране победившего пролетариата». Однако задачу «офизкультуривания рабочего класса» надо было решать, и начинается создание советских систем. Одной из первых стала «пролетарская физкультура «Спартака»». Этот «Спартак» не имел никакого отношения к знаменитому спортбществу, а являлся ленинградской «массовой организацией советской физкультуры, созданной комсомолом и профсоюзами». Откровенно говоря, «Спартаки» беззастенчиво использовали разработки Эбера и Демени и даже этого не скрывали. Единственно, что они привносили своего, — «непримиримое выявление классовых противоречий». Хотя, откровенно говоря, для меня остается загадкой, каким образом с помощью бокса, борьбы, гимнастики, хоккея или любого иного вида спорта можно было выявить эти самые противоречия. Да еще непримиримые!

При всех спартаковских перегибах явным их плюсом являлось то, что они, вопреки педологам, гигиенистам и прочим «авангардистам», считали необходимым культивировать боевые виды спорта и делали в этой области, что могли. Хотя и могли они слишком немного. При всем том в актив «Спартака», несомненно, следует занести такое чисто практическое мероприятие, как проведение в 1924 г., в период запрещения бокса, первенства Северо-Западного края по этому опальному виду спорта.

Еще в 1924 году анонсировалось, что «популярную общедоступную библиотеку «Спартака» под общей редакцией М.Г. Собецкого и Д.А. Кродмана» пополнит брошюра с двадцатью рисунками «Нападение, борьба, защита», которая уже готовилась к печати. Но, насколько мне известно, брошюра так издана и не была. Возможно, из-за того, что уже вышла в свет более капитальная

известинская книга Короновского и Яковлева.

А еще более вероятно, что подготовленные для брошюры материалы были включены в изданный в том же 1925 году «Полный справочник по физкультуре», составленный В.Н. Короновским, Д. А. Кродманом и М. Г. Собецким и одобренный Ленинградским советом физической культуры. Справочник был выпущен в рамках «Научно-методической библиотеки «Спартак». Авторы справочника, заимствовавшие «естественный метод Эбера», «окрестили» «свою» систему «современным естественно-научным методом «Спартак»» (подчеркнуто мной. — М. Л.). Себя же они «величали» очень уважительно и с достоинством «научно-практическими работниками». В этом была своя революционно-этикетная тонкость. Просто «научный сотрудник», «ученый» — это как-то далеко, отчужденно от пролетариата. А вот «научно-практический», да еще «работник», — это уже куда как «теплее», ближе к классу-гегемону. При всем этом, однако, даже под микроскопом отыскать что-либо научное в справочнике, конечно же, невозможно. Система «Спартак» оставалась теми же самыми эберовскими буржуазными «щами» в более жидкой пролетарской концентрации.

В отличие от брошюр «Популярной общедоступной библиотеки» того же «Спартак», справочник был объемистой книгой в 536 страниц. Содержал он историко-теоретические сведения, организационные рекомендации, а также краткие методики и правила по ряду видов спорта. Авторы сообщали: «После двух лет напряженной работы «Спартак» физическая культура и орабоченный спорт стали фактически массовыми. Сотни тысяч молодых и взрослых рабочих и работниц и тысячи крестьян стали заниматься своим физическим оздоровлением и развитием... Метод «Спартак» впервые обнял собою колоссальную толщу рабочей молодежи и впервые поставил вопрос о планомерном методическом строительстве специальных мест и снарядов для массовых занятий по физкультуре».

Количество физкультурников авторы, скорее всего, по советской отчетной традиции, значительно завышают, хотя массовая физкультурная работа «Спартак» безусловно велась. Но сейчас нас интересует не это.

В книге содержится такое явно вульгаризаторское откровение: «Пролетариат Советской России целями методического физического воспитания ставит: достичь максимума производительности человеческой машины...» Имелось в виду не только развитие трудоспособности «и способности к естественным и полезным трудовым движениям и действиям», но, так же, как и у Эбера, и к некоторым военным «движениям и действиям». И хотя спартаковцы имели в виду широчайший круг занимающихся, начиная «с детей раннего возраста и возраста юных ленинцев», предлагавшаяся ими полоса препятствий вполне успешно могла бы использоваться даже для обучения пехоты, имея такое необычное «спортивное» препятствие... как проволочное заграждение. Хотя и не из колючей, а гладкой проволоки. И конечно, спортплощадки II класса должны были располагать «местом для защиты и нападения», то есть для борьбы. А

Подобные карикатуры то и дело мелькали на страницах газет и журналов

площадки I класса (стадионы), кроме того, должны были иметь «место для бокса» и «место для фехтования на эспадронах, рапирах (палках)».

Ленинград располагал немалым количеством высококвалифицированных, даже знаменитых специалистов. Таких, как Лустало в боксе, тот же Яковлев в борьбе. Был там даже свой «сэнсэй» — вице-чемпион Олимпийских игр по борьбе доктор Петров, преподававший джиу-джитсу до революции. Но авторы справочника оказались не только «научно-практическими», но еще и «универсально «эрудированными» в области любого вида спорта работниками. Писать обо всех видах, включенных в справочник, они взялись сами, хотя явно не располагали необходимыми для этого знаниями.

Точно так же, как и в предыдущей, совместной с Яковлевым, книге «Защита и нападение», обучать читателей боксу взялся Короновский. Это был тот же перевод английского пособия, несколько композиционно перестроенный. Теперь в начало статьи была выдвинута специальная физическая подготовка, а кроме терминов на английском, появились еще на французском и даже немецком языке. А так как бокс тогда все еще находился под запретом, начиналась статья фразой, в которой явно звучала некоторая оправдательная интонация: «Занятия и приемы бокса неизбежно входят в программу защиты и нападения».

Едва ли не единственной собственной его рекомендацией было: «Заниматься боксом во всякое время дня и ночи, при всяких обстоятельствах и во всякой одежде, чтобы в случае нужды употребить его с пользой для дела». И еще: «Брови нахмурены для защиты глаза».

Именно работы Короновского имел в виду чемпион Ленинграда и Советского Союза Алексей Бакун, когда вспоминал о своих тщетных попытках овладеть боксом с помощью «книжного пособия» в 1927 году: «Купил несколько пособий по боксу и по ним самостоятельно разучивал различные удары, способы защиты от них. Лишь значительно позд-

нее, уже став боксером, я понял, что в этих «пособиях» правила нанесения ударов и защиты описываются не только по-разному, но и зачастую совершенно безграмотно. В двадцатых годах строгого контроля над такой литературой не было, и на прилавки книжных магазинов попадали иногда и «труды» людей, далеких от истинного спорта».

Нужно сказать, что семь лет спустя, когда после известной статьи наркома Луначарского «Нам нужен бокс!» этот вид единоборства окончательно получил все «права гражданства», Короновский, снова в соавторстве с Яковлевым, опубликовал книгу «Борьба и бокс. Основы французской борьбы и английского бокса». Теперь уже ей придавалась узкоспортивная направленность, без каких-либо претензий на создание системы защиты и нападения. Исходили только из спортивных начал и, в первую очередь, из требований нормы готовившегося комплекса ГТО. И всего лишь одной фразой отметили, что «занятия борьбой и боксом дают практические навыки, полезные в условиях войны».

При этом Яковлев просто повторил свой текст, опубликованный в книге «Защита и нападение», вплоть до разгромной критики джиу-джитсу. Правда, теперь в очень сокращенном виде. А Короновский значительно усовершенствовал свой боксерский раздел, воспользовавшись помощью опытного ленинградского боксера и тренера Г.А. Уманца и В.А. Маркилевича.

Наиболее «широко эрудированным» из всего авторского коллектива справочника показал себя ленинградский физкультурный фракционер Собецкий. И если Короновский ограничился лишь боксом и фехтованием, о которых уже писал в книге «Защита и нападение», то «универсал» Собецкий подрядился дать материал сразу по пяти самым различным видам спорта. Его борцовский раздел выглядел весьма примитивно и выделялся только тем, что ряду приемов он давал свои собственные названия, вероятно, считая их более понятными и запоминающимися для проле-

тарского читателя. Бедровый бросок у него — «подшлѣп», бросок через спину — «перекидка», «двойной нельсон» — «двойной затылочный поворот». Был и просто «затылочный поворот», так сказать, одинарный.

С конькобежным спортом он управился значительно проще: взял и в сокращении переписал книгу олимпийского чемпиона по фигурному катанию Панина. Так что даже осуществляющий общую редактуру Коронровский был вынужден сделать такое стыдливо-оправдательное подстрочное примечание: «Автор этой главы М.Г. Собецкий, очевидно, ввиду неимения руководств по конькобежному делу в нашей спортивной литературе, использовал капитальный и единственный труд Н. Панина «Фигурное катание на коньках». Точно такую же помету редактор вполне мог сделать и под материалом Собецкого «Джю-джицу», в котором тот тоже дал сокращенный вариант одной из книг Ханкока. А начиналась глава кровожадной фразой, которая отлично рекомендовала собственные познания плагиатора: «Японская система физического воспитания называется «джю-джицу, что в переводе означает — раздробление мускулов...»» (подчеркнуто мной. — М. Л.).

Для конспирации плагиата глава давалась без необходимых японских иллюстраций, так как они уж очень наглядно говорили бы о заимствованном источнике. Сомнительная статейка Собецкого стала в советской печати предпоследней публикацией о джиу-джитсу, адресованной широкой публике, а не сотрудникам правоохранительных органов.

Еще через пять лет вышел в свет еще один аналогичный справочник с главой, посвященной джиу-джитсу, того же самого качества. Это был по-настоящему убогий халтурный рекевием нашего «книжного» джиу-джитсу...

Оценивая спартаковскую систему в части рукопашного боя, можно сказать, что, несмотря на дополнение ее какими-то элементами джиу-джитсу, в принципе, она не слишком отличалась от того, что предлагалось в книге «Защита и нападение». Те же самые отдельные, разрозненные приемы нескольких единоборств, так сказать, россыпью, сами по себе, а не увязанные органично в единую хорошо продуманную эффективную систему.

Впрочем, в тех условиях отсутствия достаточных знаний и книжного голода, может быть, это все-таки было лучше, чем ничего...

Глава 4

Неугаданный автор

В работах некоторых наших специалистов, даже такого высокого ранга, как профессор, генерал-майор Ю.П. Чихачев, профессор Ё.М. Чумаков или кандидат педагогических наук Б.П. Карякин, встречаются ссылки на книгу некоего А. Буценко «Самозащита без оружия». Можно, однако, смело утверждать, что никто из них книги этой не видел. Иначе они бы знали, что издана книга анонимно: ни на обложке, ни на титульном листе фамилия автора не указана. Кто же тогда и каким образом сумел раскрыть инкогнито таинственного автора? Кем был этот самый Буценко и для каких таких непонятных целей потребовалась ему подобная конспирация? «Честь» раскрытия имени анонима принадлежит А.А. Харлампиеву. В 1964 году он в пятый раз опубликовал свою популярную книгу «Борьба самбо», которая стала наиболее капитальной из его работ. В ней он впервые решился преподнести читателям свой и, к сожалению, далеко не бескорыстный вариант истории этого вида борьбы. Аннотация утверждала, что в «книге обобщен опыт 40-летней работы автора по борьбе самбо». Таким образом, выходило, что начал эту «свою» работу Харлампиев еще подростком, не успев даже получить среднего образования. Аннотация являлась редакционной, но, разумеется, была написана непосредственно со слов автора. Харлампиев же от своего имени еще ни разу не решился публично объявить себя создателем самбо. Расчетливо предпочитал, чтобы это делали другие люди — доверчивые и неосведомленные спортивные журналисты,

перед которыми он в камерной обстановке «раскрывал свою душу». Сам же, не рискуя разоблачением, «скромно» оставался в тени. Но при этом изо всех сил старался принизить роль истинных авторов самбо — В.А. Спиридонова и своего учителя В.С. Ощепкова. В историческом очерке утверждалось, что Спиридонов всего-навсего сумел лишь найти «хорошее название «САМозащита Без Оружия»» — самбо, а в основном делал ошибки и упорно защищал их. Ощепков же якобы вообще не работал над созданием борьбы, которая впоследствии была названа «самбо», а его деятельность протекала где-то в стороне, обособленно: «параллельно с совершенствованием и распространением борьбы самбо». Одним словом, на дальнейшей периферии. А первый чемпионат Москвы по дзюдо, проведенный Василием Сергеевичем в 1935 году, назван «соревнованием по борьбе самбо», будто бы никакого отношения к Ощепкову не имеющим.

Подобный вариант истории самбо Харлампиев уже пытался включить в Справочник по борьбе 1954 года. Однако редактор справочника — ветеран русского спорта и старейший спортивный журналист Б.М. Чесноков, который отлично знал истинное положение вещей, с возмущением отверг этот хитрый ход и сам написал коротенькую главку.

Стремясь подспудно внушить читателю мысль, что ни Спиридонов, ни Ощепков не сыграли сколько-нибудь заметной роли в создании самбо, Харлампиев по принципу «таких, совершавших ошибки, было много» перечисляет

авторов, в действительности не имевших никакого отношения к самбо, но издавших в свое время книги по рукопашному бою. Вот в этом-то перечне первым и фигурирует А. Буценко. Не указанное Харлампиевым полное название той книги — «Самозащита без оружия (Джиу-Джитсу) и ее применение в целях обороны Рабоче-Крестьянской милицией УССР». Издана она была в 1928 году Управлением Рабоче-Крестьянской милиции Народного комиссариата внутренних дел Украины и одобрена Высшим советом физкультуры УССР. Тексту книги предпосланы предисловие А. Буценко и введение, написанное И. Якимовичем. Последний был каким-то украинским милицейским чиновником, а вот старый большевик Афанасий Иванович Буценко являлся известным советским и партийным деятелем. Попав в немецкий плен в Первую мировую войну, даже там вел революционную пропаганду. Впоследствии вошел в состав первого ЦК компартии Украины, а затем был избран членом Президиума и секретарем Всеукраинского центрального исполнительного комитета. Кроме того, возглавлял Высший совет физической культуры Украины. Именно в этом, и только в этом своем качестве он и поставил подпись под предисловием, которое, весьма воз-

можно, даже не писал сам. Но Анатолий Аркадиевич, рассматривая книгу, пришел к странному выводу, что джентльмен, демонстрирующий приемы на фотоиллюстрациях, — вылитый Буценко (хотя, по-моему, ничего общего у них, кроме щеточки усов, не было). Даже мысли не возникло у него, почему же, подписав предисловие, украинский «физкультурнокомандующий» не счел нужным поставить свою фамилию и на обложке? Логика была поистине железной: раз написал предисловие, значит, написал и всю книгу! Вот таким-то нехитрым манером спортивный функционер, отнюдь не покушавшийся на чужие авторские права, стал плагиатором поневоле, ни с того ни с сего получив в свой послужной список неплохую книжку. Авторитет лидера послевоенного самбо Харлампиева был так неколебимо велик, что никому даже и в голову не пришло усомниться в правильности его утверждений, проверить их. Вот и пошел с легкой руки Анатолия Аркадиевича гулять по страницам книг и статей новый поручик Кижэ — «искушенный знаток» самозащиты А. Буценко. И вот что самое удивительное: было вполне достаточно даже поверхностного взгляда, чтобы понять — анонимный труд является переводом с какого-то иностранного языка.

Об этом убедительно свидетельствовали несвойственная нам в те годы сама манера изложения, полное отсутствие идеологизированности исторического и других начальных разделов (вся идеология была «загнана» во вступление и предисловие), некоторые особенности техники, не говоря уже о явно западном облике джентльмена «Буценко», подпоясывавшего свое кимоно черным поясом. Да и не было на Украине такого специалиста, который, исповедуя систему Кано Дзигоро, мог бы сказать, что кое-что в ней им «изменено и дополнено», а приемы обороны разработаны применительно к условиям нашей жизни». Словом, было совершенно ясно, что преподнести «нашей Рабоче-Крестьянской милиции» «буржуазное» руководство сочли недопустимо аполитичным и, не мудрствуя лукаво, просто-напросто сняли фамилию автора, благо, что о правах авторов, да еще зарубежных, беспокоились тогда очень мало.

Если опознать фальшивое авторство Буценко было для меня несложным делом, то вот установить страну, год издания, имя автора и подлинное название книги казалось едва ли посильной задачей. Все, кто хоть что-то мог подсказать в этом сложнейшем деле, ушли в мир иной еще лет сорок назад. Логично было предположить, что оригинал являлся немецким. Ведь в то время наиболее широкие международные связи были у СССР именно с Германией, с которой мы так крепко «дружили против» Антанты, «обидевшей» обе наши страны. Да и знание немецкого языка у нас тогда превалировало над всеми иными иностранными. Но это были всего лишь предположения. А вот как точно опознать автора в длинной череде западных специалистов, писавших о джиу-джитсу в первой четверти нынешнего века? Да еще при условии, что эта литература к нам в страну не попадала в силу понятных всем причин.

Первым, по некоторым особенностям техники, я «заподозрил» Эриха Штефана. Дело в том, что в украинском анонимном издании фигурировало удушение — «прыжок ножницами»:

захватив ворот кимоно противника, нужно было в прыжке обхватить его шею ногами, скрестить их и сильно давить. А Спиридонов в своей книге мимоходом отметил опасность применения «ножниц» в положении стоя для самого нападающего. При этом он указал, что подобный прием рекомендует именно Штефаи. Однако отыскать книгу этого автора оказалось невозможным, и я по-прежнему долго оставался всего лишь при своих предположениях. В конце концов, однако, в немецкой прессе тридцатых годов мне удалось отыскать фото, точно соответствовавшее одной из иллюстраций в книге «Буценко». Прием на фото исполнял Эрих Ран. Это позволило утверждать, что на Украине издали пиратский перевод именно его известной книги «Невидимое оружие (Джиу-Джитсу)», выпущенной в Германии всего за два года до публикации у нас и являвшейся европейской новинкой.

Я не уверен, что сейчас даже в Германии многим профессионалам известен этот пионер немецкого джиу-джитсу и дзюдо, но когда-то имя Эриха Рана поистине гремело. Его уважительно называли «альтмайстер» — старый мастер. Этот крупнейший знаток был не только теоретиком, автором книг и преподавателем, но еще и отличным борцом, выступавшим даже в публичных профессиональных матчах, в том числе и международных. Применив удушение, он сумел одолеть двух таких сильнейших бойцов, как Джо Дирксон и Андрэ (может быть, это был тот самый «прыжок ножницами», опасный для середнячка, но неотразимый в исполнении мастера?). Впрочем, стоит сказать, что именно эти две победы, в отличие от остальных, вызвали резко негативную реакцию немецких специалистов физической культуры. Удушение было признано ими неоправданно опасным, жестоким приемом, грубо противоречившим истинным целям физического воспитания...

Вот теперь, когда мы установили подлинного автора, можно говорить о том, что представлял собой его труд.

После лаконичного исторического очерка говорилось о том, «как надо изучать Джиу-Джитсу». Советы носили общий характер, были кратки, если не сказать, скудны и отрывочны. Методически книга явно уступала руководствам Спиридонова. Как и авторы ранее выпускавшихся книг, Ран специально подчеркивал роль здорового образа жизни и необходимость «вести правильный образ жизни, именно такой, какой ведут японцы, от которых мы позаимствовали эту систему борьбы». Но тут же, противореча себе, добавлял: «Однако вовсе не нужно бессмысленно копировать японскую жизнь. Это было бы совершенно нецелесообразно».

В соответствии с европейским пониманием джиу-джитсу проводится мысль о важности физического развития: «Многие начинающие изучать джиу-джитсу думают, что в этом деле можно обойтись без общей физической подготовки, это большое заблуждение. Физическое воспитание необходимо не только потому, что оно укрепляет и вырабатывает мускулатуру, но и потому, что при его помощи тело делается гибким и способным к сопротивлению». С чисто немецкой аккуратностью сформулировано также требование о неуклонном соблюдении последовательности в изучении: «Прежде, чем не будет пройден весь курс физической подготовки, ни в коем случае не начинать освоение приемов». Точно так же и в изучении техники: «Можно рассчитывать на верный успех только в том случае, если продвигаться вперед шаг за шагом, изучая в строгой последовательности один прием за другим... Пока занимающийся не усвоил первого приема настолько, что может проводить его почти автоматически, никоим образом не следует приниматься за второй». Учитывая нетерпение новичков, уместным кажется и такой совет: «Каждый отдельный прием следует изучать обстоятельно и проводить его медленно. Быстрота приходит сама по себе, с течением времени...»

Для занятий по общефизической подготовке в книге приведены таблицы силовых упражнений, в основном, с ис-

hied: zu dieser Zeit war nicht der sportliche Gedanke maß-
ie rein praktische Anwendung im Kampf Mann gegen Mann
icheren Zeiten.

Sprungschere

Рис. 142

пользованием сопротивления партнера, как это обычно рекомендовалось и в более ранних руководствах по джиу-джитсу. Но, сверх того, дано и немало упражнений из европейской гимнастики для развития гибкости, «растянутости». К подготовительным упражнениям отнесены также освобождения от захватов рук (без контрприемов) и упражнения «как падать».

Одно и то же фото
Эриха Рана «в рабо-
те», но первое из не-
мецкой публикации,
а второе, качеством
похуже, из «украин-
ского труда»
«А. Буценко»

Хотя автор справедливо утверждает, что тот, «кто не научится правильно падать, тот никогда не изучит Джиу-Джитсу», техника падений у него отработана еще не в достаточной степени. При падениях на спину и на бок рекомендовалось не «округло» сгруппироваться, а, наоборот, распластаться на ковре, так как при этом «получается падение на большую плоскость», что смягчает удар. Впрочем, трудности с правильной техникой падения были обычным делом для тех лет (вспомните Спиридонова).

Ран считал, что «Джиу-Джитсу является системой обороны. Поэтому пользоваться ею надо только в том случае, когда противник активно на вас нападает. Знающий Джиу-Джитсу твердо уверен в своем сильном невидимом оружии. Поэтому в большинстве случаев он является обороняющимся, а не нападающим». В соответствии с этой оборонительной концепцией и было определено построение книги. Из одиннадцати разделов двух «технических» глав десять посвящены защите контрприемами от различного рода нападений и только один способам нападения — «останавливающим приемам». Причем в этот раздел вошли только четыре приема: два рычага локтя вверх (захватом на разноименное плечо и «милиейский»), загиб руки за спину и выверт кисти. Что же касается оборонительных действий, то они представлены разделами, названия которых говорят о том виде нападения, защита от которого описывается: «Захваты горла», «Отражение обхватов» (освобождению от обхвата посвящен еще раздел «Захват при помощи головного убора»), «Отражение нападений с тылу», «Оборона лежа», «Отражение ударов ногами», «Отражение ударов палкой», «Отражение ударов ножом» и «Отбивание револьвера». Внимательный читатель, конечно, заметит, что в этом перечне отсутствует защита от ударов руками, но Ран вовсе не забыл о ней. «Взаимоотношениям» джиу-джитсу с боксом он уделил особое внимание, целиком посвятив им отдельную главу. В те годы все еще кипели споры о превосходстве того или дру-

гого видов самозащиты и даже устраивались поединки боксеров с джиу-джитсерами, к сожалению, не всегда честные. Стоит сказать, что Ран, хотя и был профессионалом джиу-джитсу, старался оставаться объективным и не отдавал предпочтения ни той, ни другой системе, говоря, что «лучше всего заниматься обоими этими видами спорта... Как бокс, так и Джиу-Джитсу имеют преимущества — каждый в своем роде».

Всего в книге описано полсотни не слишком отличающихся друг от друга вариантов нападений, указанных в заголовках разделов, а также различные контрприемы на каждый случай. Подобную мелочную детализацию вряд ли можно признать целесообразной. Она не вызывалась необходимостью и лишь усложняла и необоснованно затягивала процесс обучения. А это, разумеется, являлось нежелательным, и особенно для полицейской системы. К тому же, стремясь дать по японскому образцу максимальное количество всевозможных защит на любой случай. Ран, случалось, упускал из внимания их качество. И, наряду с большинством полноценных, доживших до наших дней приемов, у него проскальзывают неоправданно усложненные и даже ненадежные, опасные для использующего их приемы. Значительно предпочтительнее здесь было бы спиридоновское использование не только основных приемов, но и их вариантов — «по принципу», которое заставляло работать не только конечности, но и голову. Тем более что о необходимости подобных осмысленных действий говорит и сам Ран. Кстати сказать, только этим и ограничиваются его рекомендации в области тактики, если их вообще можно признать такими рекомендациями.

Для отражения нападений Ран привлекал довольно широкий спектр боевых действий. Из болевых приемов им использованы: рычаги пальцев, локтя (вверх и вниз), коленного сустава и стопы; дожимы кисти и колена (через свою ногу); выверты большого пальца, кисти, предплечья и загибы руки за спину. Эти приемы используются в раз-

личных положениях и с разными захватами. В ряде случаев они комбинируются друг с другом (варианты узла при обезоруживании нападающего с ножом и др.). Как одну из чисто японских стилевых особенностей системы Рана можно отметить преимущественное болевое воздействие не на локтевой, а на лучезапястный сустав в форме выверта или дожима кисти. Даже в том случае, когда рука противника захвачена под мышку локтем вверх. Точно так же загиб руки за спину выполняется с захватом за кисть, а не за запястье противника. Возможно, такая особенность не совсем заслуженно забыта в некоторых современных системах.

Задействованы были также удушение предплечьем (находясь позади противника) и воздействие на болевые точки за ушами, под носом, нажим на глаза и сдавливание половых органов. Броски, которые приводятся в качестве одного из способов освобождения от захватов, как правило, даны в комбинации или в связке с болевыми приемами или с воздействием на чувствительные точки. В «чистом» виде использованы бросок через голову с упором ногой в пах, бедровый, через спину и задняя подножка. В большинстве же случаев броски имеют не «типовой», а чисто ситуативный характер, определяемый исходным взаиморасположением обороняющегося с нападающим.

«Самым надежным и самым важным, но и самым опасным оружием, которое имеется в руках человека, знающего Джиу-Джитсу, являются удары ребром ладони, употребляемые как при нападении, так и при обороне», — таков лозунг Рана. Он знакомит читателя с наиболее уязвимыми местами человеческого тела и советует терпеливо закаливать «внешний край ладони», начиная с легких ударов по твердому предмету и постепенно увеличивая их силу. «Защитой от ударов ребром ладони служат встречные удары, наносимые также ребром ладони». Кроме этих ударов, описано также поражение уязвимых точек «толчками второго сустава согнутого среднего пальца», то есть кулаком, из

которого выступает этот согнутый палец. Нужно сказать, что переводчик здесь допустил явную ошибку: в немецком языке и «толчок», и «прямой удар» (в отличие от удара с размаха) обозначаются одним и тем же словом «Stoss» (штосс). Но Ран, разумеется, говорил не о толчке, а об ударе.

Прямые и боковые боксерские удары тоже отбиваются ударами ребром ладони, которые дополняются задней подножкой вариантом обратного бедра или задней подсечкой в колено. В единоборстве с боксером используются также различные варианты бросков ножницами и проход нырком в ноги с броском захватом за пятки. «Антибоксерский» удар стопой в солнечное сплетение в прыжке достаточно своеобразен: он не похож на каратистские удары или удары тхэквондо и скорее напоминает первый шаг человека, пытающегося с разбега взбежать на отвесную стену.

Последняя глава руководства — «Спортивная борьба Джиу-Джитсу и ее правила». В соответствии с пространственным тогда в Европе мнением, Ран утверждает, что джиу-джитсу и «Джи-Удо», то есть дзюдо, одно и то же. Вероятно, это и определяет своеобразную очередность овладения боевой и спортивной частью: «Когда ученик хорошо усвоил Джиу-Джитсу, как средство самозащиты, он может начать заниматься Джиу-Джитсу, как спортом». При этом почти все изученные боевые приемы, кроме явно опасных (удары, болевые на пальцах рук и ног, захваты ушей, волос, половых органов, нажатия на глаза и т.п.), полностью сохранялись в спортивном арсенале, в том числе и в положении стоя. В качестве дополнительных спортивных Ран дал всего лишь шесть приемов: боковую подсечку с преследованием на земле рычагом локтя захватом руки между ног; удушение захватом ворота накрест в стойке; бросок через спину с тем же захватом; бросок через голову с упором стопой в живот и уже упоминавшееся удушение «ножницами» в прыжке.

Вне всякого сомнения, Ран являлся одним из крупнейших европейских специалистов своего времени. Не хочу сказать, что его руководство свободно от недостатков: таких работ вообще не бывает. Однако, похоже, что его «Невидимое оружие» стоит выше «среднеевропейского» уровня тех лет. Даже еще и в пятидесятых на западный книжный рынок выбрасывались достаточно примитивные книжки, явно уступавшие назначению, которое имел в виду автор: бытовая самооборона. Но вот пиратствующие украинские издатели понять этого не смогли. И, сверх того, исходили из той порочной мысли, что милиционер, в основном, должен лишь вежливо обороняться от своих «братьев по классу». «Мы никак не можем допустить в нашей рабочей стране тех бесчеловечных методов защиты и нападения, которыми пользуется заграничная полиция. Там у них — дело другое. Там при столкновении с рабочими полицейский защищает интересы другого класса...» — внушал в своем предисловии Бу-

ценко. В силу этого работа немецкого мастера априорно теряла в эффективности, будучи использованной в наших условиях. Хотя при небольшой переработке, используя ту же самую технику, но оторвав ее от узкой оборонительной конкретики, вполне можно было бы получить достаточно эффективную полицейскую систему. Но об этом никто из «руководящих» просто-напросто не догадывался, да и догадавшись, осуществить все равно бы не смог. Хотя, по мере приобретения опыта, любой «думающий боец» с большим или меньшим успехом мог бы это сделать и сам, используя оборонительные приемы и в атакующей ситуации, лишь немного скорректировав их. Материала для этого было вполне достаточно. Хотя, конечно же, для обучающихся значительно полезнее было бы получить с самого начала уже готовый, добротный переработанный учебный материал.

Однако, так или иначе, в арсенал украинской милиции пришли приемы немецкого специалиста.

Глава 5

«Самооборона и нападение»

Шел декабрь девяностого года. На площади своего имени пока еще стоял «железно-бронзовый» Феликс. Однако наша осмелевшая вдруг печать все большее клевала КГБ, и, благодаря такому прессингу, я, хотя и с большим трудом, но все-таки, наконец, добился разрешения ознакомиться с уголовными делами известных спортсменов, репрессированных в тридцатые годы. Эти уникальные сведения, целых полстолетия погребенные в секретнейших архивах, открылись мне прямо-таки чудом! И я с судорожной поспешностью переписывал их, боясь, что вдруг там, «наверху», передумают, и «сезам закроется» снова, теперь уже навсегда...

Среди тех, чья трагическая судьба оказалась упакованной в зловеще обданные канцелярские папки уголовных дел ОПТУ, был и Иван Солоневич — че-

ловек достаточно известный в политической сфере, но прочно забытый в спортивной. Я уже заканчивал эту свою работу, когда, возвратившись вечером домой и включив телевизор, увидел одну из отличных передач, посвященных нашим зарубежным соотечественникам. И бывают же такие совпадения: речь в ней шла как раз о «выдающемся писателе русского зарубежья И.Л. Солоневиче», объемистое дело которого я держал в руках всего лишь часа два назад! Конечно же, я немедленно созвонился с автором этих талантливых передач известным литератором С.Ю. Рыбасом. Он заинтересовался моими материалами и попросил прислать заявку на участие в его телевизионной рубрике «Слово». Я послал, но, как это случается на телевидении, Святослава Юрьевича уже успели там «скупать», а иметь дело с его ортодоксально-демократическими «победителями» мне уже как-то не очень хотелось...

Иван Лукьянович Солоневич (1891-1953) — фигура очень колоритная и далеко не однозначная. Его круто «закрученная», изобилующая острейшими событиями биография даст сто очков вперед любому приключенческому бестселлеру, зазывно сияющему глянцеви-цветистой обложкой с лотков уличных торговцев книгами. Подробности этой биографии приходилось буквально разгадывать, скрупулезно отсеивая подлинные факты от восторженных легенд его апологетов и ложных большевистских обвинений, от липовых документов, спасавших Солоневича от объятий ЧК, и его собственных излишне героизированных рассказов о себе.

Родился Иван в белорусском селе Новоселки, бывшей Гродненской губернии. Материальные возможности отца, сельского учителя, позволили довести образование сына всего лишь до третьего класса гимназии. Гимназический экзаме́н на аттестат зрелости Иван, самостоятельно подготовившись, сдавал экстерном. С пятнадцати лет начал зарабатывать распространенным тогда «репетиторством»: занимался с отстающими учениками. Работал переписчиком в Управлении полесских железных дорог. Эти нелегкие условия жизни, как и близкое знакомство с тяжелым крестьянским бытом, определили впоследствии выступления Солоневича не только против большевистского произвола, но и против несправедливых дворянских привилегий. Еще в юные годы проявились жизненно важные устремления Ивана, определившие его дальнейшую судьбу: спорт и литературная работа. Спорт стал первым и ярким увлечением, которого хватило на всю его жизнь. А в области публицистики он начал сотрудничать не только в местной монархической газете «Северо-Западная жизнь», но и в известнейшем столичном «Новом времени», тоже державшемся правых взглядов. В спорте же Иван, как и его младший брат Борис, был учеником одного из «отцов белорусской тяжелой атлетики» Аркадия Александровича, который вместе с Владиславом Соколдынским организовал в Минске отделение Всероссийского общества «Санитас». Братья, подобно большинству спортсменов того времени, были универсалами, но главное внимание уделяли подниманию тяжестей, французской борьбе, а впоследствии — боксу. Среди почитателей старшего из Солоневичей родилась даже легенда, будто бы он однажды победил самого Поддубного. О братьях, действительно, писали спортивные журналы, однако о младшем больше, чем о старшем. Оба они являлись способными тяжеловесами, но более богато одарен был Борис, который в 1914 г. даже стал вице-чемпионом России, повторив мировой рекорд в жиме, а в борьбе тушировал

профессионала Соколдынского. В 1923 г. на первом боксерском чемпионате Одессы, куда он переехал к старшему брату, Солоневич-младший завоевал титул абсолютного чемпиона города.

Несмотря на то, что Иван представлял не дворянскую, а разночинную интеллигенцию, он не принял даже Февральскую, не говоря уже об Октябрьской революции. «Великая фальшивка февраля» — так озаглавил он одну из своих статей, давая оценку свержению самодержавия. После Октября он бежал на юг и примкнул к белому движению.

Борис тоже перебрался на юг, на белую территорию, в Майкопе и Екатеринодаре преподавал физвоспитание учащимся, занимался с бойскаутами, обучал их боксу. И, возможно, именно он стал основоположником английского бокса на Северном Кавказе. Иван же вместе с белыми отступал к Одессе, но эмигрировать не смог из-за заболевшего сыпным тифом сына. За четыре года Гражданской войны опасных приключений с лихвой хватило бы для любого любителя острых ощущений, но для Солоневича с победой красных подлинная опасность только еще начиналась. ЧК неустанно охотилась за бывшими белогвардейцами, оставшимися в России. В этой беспощадной игре со смертью в прятки Иван сумел выиграть жизнь и свободу не только для себя, но и для своей семьи. Одесские чекисты, заподозрившие, было, его, так и не смогли при всем их старании докопаться до белогвардейского прошлого. Но балансировал он на острие ножа. И едва ли удалось бы ему избежать репрессий, если бы не спасительные фальшивые документы. Даже при его новой, сугубо пролетарской профессии грузчика. Военный продработник и кооператор, снабженец, счетовод сберкасс — все это то ли подлинная, то ли «липовая» его работа в те полные опасности военные и послевоенные годы. Но и здесь по-настоящему его выручили две прежних, любимых и дефицитных в то время, профессии: спорт и литературная работа. Совсем как Остапу Бендеру, Ивану приходилось даже в Одессе

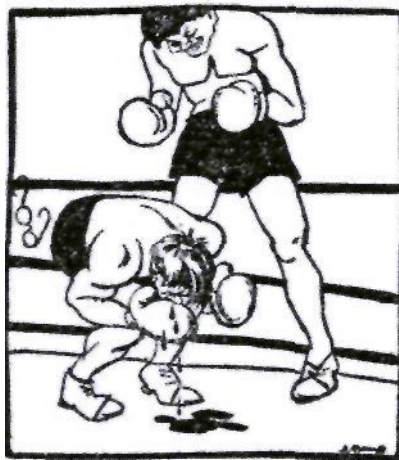
писать какие-то сценарии. В конце концов, в 1926 году ему удастся перебраться в столицу, где уже обосновался Борис, успевший стать известным спортсменом и тренером. И кто бы мог поверить тогда, что в Центральном комитете профсоюза совторгслужащих работает спортинструктором и даже печатается в советской прессе бывший белогвардеец Иван Солоневич! И это в то время, когда его оставшиеся в живых товарищи по оружию «коротали» годы в ссылке или даже в концлагере! А фамилию Ивана уже можно было видеть в списке руководителей советского спорта: он — председатель тяжелоатлетической секции, которая ведала подниманием тяжестей, борьбой и боксом.

В общем, Ивану улыбнулась удача, а вот Борису не повезло. Он попытался нелегально переправить в Берлин письмо своим бывшим товарищам по скаутскому движению и... оказался в Соловках. Вскрылась его прошлая работа со скаутами у белых, которую ему удавалось скрывать. СЛОН — Соловецкий лагерь особого назначения наградил Бориса похвальной грамотой за хорошую работу заведующим «спортстанцией соловецкого «Динамо» и потерей зрения почти на девяносто процентов. К счастью, через два года лагерь сменила ссылка.

Между тем, Иван, несмотря на свои тридцать пять лет, участвовал в 1926 году в первом за много лет легальном первенстве Москвы по боксу, выступив в тяжелом весе, в котором соперничало всего три боксера. Однако же этот его дебют на столичном ринге едва ли можно признать особо удачным, хотя ему и было присуждено второе место. Но это его «вице-чемпионство» породило на страницах «Красного спорта» даже шарж, который очень трудно назвать дружеским. Ставший чемпионом Москвы, а через пару месяцев и всего Советского Союза Владимир Езеров (Горский) в первом же бою в пух и прах разгромил Ивана. Следующий соперник — чемпион Петербурга 1913 года, комбриг (генерал-майор) Николай Ракитин в первом же раунде отказался

от боя. Солоневич, как и в предыдущей схватке, попытался «отсиживать» в глухой защите, и донельзя возмущенный генерал, воскликнув: «Он же не хочет принимать бой!» — в гневе ушел с ринга. Победа, естественно, была присуждена Солоневичу «в связи с отказом противника от боя».

Следующее, и уже последнее, появление Солоневича на ринге стало настоящим крахом его боксерской карьеры. В том же году он, как председатель секции и журналист, возглавил группу сильнейших советских спортсменов, направленных в Тифлис, где проходило первенство Закавказья по тяжелой атлетике, то есть борьбе, штанге и боксу. Участие москвичей в чемпионате проходило вне конкурса и служило демонстрации и пропаганде спортивного мастерства. Красавца Константина Градополова, который уже давно являлся сильнейшим, а месяц назад получил и официальное звание чемпиона СССР в среднем весе, тифлисцы называли «убийцей с лицом невинного ребенка»: на ринге он одного за другим нокаутировал всех четверых чемпионов из Тифлиса, Баку и Еревана. На что же надеялся председатель секции, решив выйти на бой с чемпионом страны? Скорее всего, на свое большое преимущество в весе: на целых две весовых категории. Однако, увы! Он тоже остался лежать на брезенте ринга, так же, как и его закавказские коллеги...

Председатель тяж. атлетической секции ВСФК т. Солоневич неудачно агитирует на ринге бокс. Дружеский шарж.

Статьи Солоневича публикуются в периодической печати, выходит несколько брошюр. Едва ли доставила ему большое творческое удовлетворение книжка профсоюзной тематики, но вот руководство по тяжелой атлетике написано не только со знанием дела, но и с большой любовью. Со спортом тесно смыкалась и тема книги «Самооборона и нападение», написанной по заказу милиции.

Как журналист, Солоневич объездил весь Советский Союз и видел слишком много безобразных нелепостей и жестокой несправедливости, особенно в отношении крестьян. И этого в его сознании не могли перевесить никакие достижения советской власти в области народного образования или индустриализации. Похоже, что он вообще не склонен был замечать их. Зато не забывал о гибели в боях с большевиками своего старшего брата и о репрессиях, обрушившихся на семью младшего, и о неустроенности интеллигентского быта, в частности, своего собственного. Обстоятельства неумолимо подталкивали к опасному решению: еще раз сыграть в советскую рулетку, попытаться бежать за границу всем семейством. Готовились исподволь, тщательно продумывая все летали. Иван установил контакт с Виртом — немецким дипломатом, а через третьих лиц — еще с литовским и эстонским. Именно эстонец посоветовал переходить границу в районе Карелии, где была самая слабая пограничная охрана. Через Вирта Иван передавал за границу рукописи своих статей. Для выезда в Германию его жены была разыграна хитроумная, хотя и не слишком чистоплотная комбинация: она развелась с Иваном и скоропалительно вышла замуж за влюбившегося в нее молоденького немецкого коммуниста. Вместе с ней в Берлин отбыли драгоценности, рукописи бывшего мужа и иллюстрировавшие их фотографии, сделанные Борисом.

Солоневичи обзавелись оружием, и не только охотничьим. При встрече с пограничниками решили отстреливаться, надеясь, что хоть кому-то удастся уй-

ти. Однако же в карельских лесах и болотах незадачливые нарушители границы безнадежно заблудились. К тому же Иван почувствовал себя плохо. И они повернули назад. Уже на дороге их встретил верховой начальник погранзаставы. Он галантно усадил на лошадь позади себя совершенно изнемогавшую жену Бориса, а на заставе обогрел и накормил «заблудившихся московских туристов». Но первая неудача не сломила их твердой решимости, и очередная попытка была предпринята уже в следующем же году.

Вероятно, позаботившись о материальном обеспечении своего зарубежного существования, Иван взял в свою группу на этот раз еще и пожилую помещицу-польку, чье богатое имение находилось на территории Литвы. В книге «Россия в концлагере» Солоневич тактично именует ее «г-жа Е», а подлинное ее имя — Е.Л. Пржиялговская. Благодаря именно ее ясновельможной глупости и самовольству в группу удалось проникнуть провокатору — ее любовнику, украинскому националисту Николаю Бабенко. Скорее всего, тот уже был «на крючке» у ОГПУ и доносами замаливал свои националистические грешки. Так что вторая попытка бегства закончилась значительно раньше, чем это могли предполагать беглецы: ночью на железнодорожном перегоне Ленинград-Карелия все они были арестованы. Думаю, что Иван не прихвастнул, написав, что для ареста была задействована половина всей ленинградской тяжелоатлетической секции «Динамо»: борцы, боксеры, штангисты. Группа беглецов была вооружена, да и физические данные мужчин в соединении с их навыками рукопашного боя заставляли быть особенно предусмотрительными. Несмотря на это, Борис все-таки ухитрился сломать руку одному из чекистов. А вот описанная Иваном его героическая бравада на допросах — явное беллетристическое преувеличение, рассчитанное на то, что никто из читателей не сможет прочитать его дело. Следователи тогда, в 1933 году, еще не избивали допрашиваемых, это началось

только после специального приказа Сталина в 1937-м. Да и бить братьев не было никакой нужды: они давали правдивые и исчерпывающе подробные показания. Правда, Иван пытался переложить вину на Бориса. Судя по протоколам допросов, оба Солоневича держались на допросах довольно спокойно и смело, хотя Ивану все-таки пришлось дать показания и против своих московских знакомых. Борис сказал так: «Как ни работай на советскую власть, все равно сидеть». А Иван: «У нас не было возможности спокойно жить, не боясь завтрашнего дня — быть арестованным. Мы люди другого мира: нам здесь не жить...»

Однако жить приходилось, и жить в концлагере. Впрочем, наказание им определили сравнительно мягкое: при целом букете пятьдесят восьмых статей с различными индексами, от шпионажа до попытки перехода границы вооруженной группой, дали обоим всего по восемь лет. А сыну Ивана — семнадцатилетнему Юрию — только три года, да еще при этом скостили треть срока в связи с несовершеннолетием.

Неизбежные проблемы с блатной сволочью удалось разрешить довольно быстро. Юрий, несмотря на юный возраст, вымахал уже ростом с отца и был хорошо физически развит. «Блатняжки» еще только присматривались к родственной тройке атлетов, а Борис уже объявил им войну: приказал вернуть вещи, отобранные у интеллигентного заключенного, а когда в дело вступил «пахан», «закрутил» ему такой болевой, что тому «при всем блатном народе» пришлось запросить пардону. За этот свой публичный позор «урка» пригрозил, что Бориса ночью прирежут. Но Иван провел с ним профилактическую беседу, пообещав, что, если с одним из них что-нибудь случится, у «пахана» не останется ни одной целой косточки. Тот, как это чаще всего бывает, оказался трусоват против настоящей силы и сделал соответствующие выводы. Вскоре, однако, Солоневичей развели по разным местам

заключения: Иван оставался с сыном, а Борис «отбывал» в другом лагере.

Казалось бы, что теперь-то уж НКВД¹ удалось, наконец, поставить в эпопее Солоневичей жирную точку. Но так только казалось! Эти несгибаемые храбрецы снова приняли безумное решение, которое, хотя и грозило им смертельной опасностью, в конечном счете, спасло всем жизнь, так как, оставшись в концлагере, тридцать седьмого года они, конечно же, не пережили бы. Имея ничтожные шансы на успех, они, тем не менее, сумели осуществить свой невероятный, прямо-таки фантастический план: не только бежали из заключения, но и все трое перешли финскую границу! Только вот вождевленное зарубежье встретило отважных беглецов весьма прохладно. Белая эмиграция упорно подозревала их как провокаторов, завербованных НКВД. Никто не желал поверить, что при всех советских строгостях возможно одновременно совершить побег из двух различных лагерей, да еще после этого благополучно перейти границу, принеся с собой какие-то антибольшевистские рукописи.

Узнав, что игра сыграна, бывшая жена Ивана немедленно покинула своего немецкого Ромео и возвратилась к Солоневичу вместе с доверенными ей рукописями. А тот издал в 1936 году в Париже свою нашумевшую книгу «Россия в концлагере», в которой впервые и еще за тридцать лет до Солженицына прозвучали трагические слова — «империя ГУЛАГ». Книгу, которую впоследствии даже КГБ оценил, как написанную интересно и произведшую большое впечатление на эмиграцию. Однако же впечатление впечатлением, но стойко сохранявшееся по отношению к ним отчуждение заставило Солоневичей перебраться в Болгарию, где Иван основал свою штаб-квартиру и редакцию антисоветской газеты «Голос России». Наверное, Солоневичи думали, что в Софии они в полной безопасности, но до них дотянулись и там: их резиденция была взорвана, погибли жена Ивана и его секретарь.

¹ С образованием 10 июля 1934 года Народного комиссариата внутренних дел функции ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) перешли к НКВД.

К этому времени между Солоневичами пролегли неразрешимые политические противоречия, и братья навсегда расстаются. Борис уехал в Бельгию, а Иван отправился в Берлин искать управы на большевиков. Много лет спустя, оспаривая «советский», «коммунистический» характер Великой Отечественной войны, Иван напишет, что в действительности это была «химически чистая народная война». Но в этой чистой войне он принял нечистую сторону. В 1941 году по личному указанию Геббельса было финансировано издание его книги «Возрождение империи». Возрождать Российскую империю должен был не кто иной, как лучший друг русского народа Адольф Гитлер. Как известно, подавляющее большинство русской эмиграции симпатизировало борьбе своих соотечественников с оккупантами. Нередким было и их участие в движении сопротивления нацистам. Солоневич же уговаривал поддержать гитлеровцев, убеждал русских вступать в немецкую армию, патетически восклицая: «Где же наши генералы и полковники с блестящим прошлым военным опытом?!» Ненависть — очень плохой советчик, и, думая, что он сражается с большевизмом, Иван воевал против собственного народа. Вот и пришлось ему, спасаясь от справедливого возмездия, бежать вместе с нацистскими палачами в «гостеприимную» Аргентину, а затем и в США. И едва ли заслуженным был такой либеральный жест КГБ, как посмертная реабилитация Ивана Солоневича...

Но все-таки, при всем том, можно только горько пожалеть, что такой одаренный человек сбился на кривую дорожку предательства Родины, пусть даже из самых благих побуждений. Нельзя не подивиться глубине его провидческой прозорливости: еще полвека назад он предвидел то, что произошло в нашей стране в 90-е годы, да и продолжается сегодня...

После сокрушительного разгрома сильнейшей в мире немецкой армии, главным образом силами России, в патриотических эмигрантских кругах

вспыхнула надежда на благотворную «национальную революцию» в СССР. Таких супероптимистов Солоневич иронически именовал «наши эмигрантские простецы», то есть простаки, и утверждал, что даже и тогда власть присвоят те же самые прежние партократы, потому что других людей, способных управлять страной, уже не осталось... Какое безнадёжное и какое безошибочное пророчество!!!

Книга Солоневича «Самооборона и нападение без оружия. Элементарное руководство», допущенная Научно-техническим комитетом при ВСФК, была опубликована издательством НКВД РСФСР в 1928 году в рамках «Библиотеки работника милиции и угрозыска». Редактор руководства — один из руководящих работников милиции И.Ф. Киселев в предисловии справедливо отметил: «...Существующая литература по этим видам физкультуры (бокс и борьба — М.Л.) имеет целью, главным образом, не чисто прикладной характер, а спортивный и рассматривает, например, бокс в чистом виде, вне всякой связи с борьбой или джиу-джитсу. И Солоневич в своей книге из серии книг, издаваемых Отделом милиции по производственному просвещению, делает первую попытку объединить бокс, борьбу, джиу-джитсу или, вернее, отдельные приемы их в один комплекс, преследующий чисто практические цели и приспособленный к условиям милицмейско-розыскной службы». Впрочем, хотя попытка в действительности и не была первой (Спиридонов работал в этом направлении уже восемь лет), она являлась довольно своеобразной. В отличие от большинства авторов, бравших за основу апробированное джиу-джитсу, а затем улучшавших его и дополнявших, Солоневич попытался пойти по другому, самостоятельному пути.

Основополагающим принципом системы провозглашено: «ответ ударом на захват и захватом на удар». Разумеется, принцип этот так и остался всего лишь чисто декларативным, поскольку полная реализация его на практике не только нецелесообразна, но и вообще едва

ли возможна. Скорее всего, старания следовать именно этим, декларированным курсом привели к появлению в руководстве некоторых искусственно сконструированных и не слишком удачных контратакующих действий. Неплохо зная английский бокс, Солоневич, в первую очередь, базировался на этом единоборстве, как бы отодвинув джиу-джитсу на второй план. Похоже, он испытывал довольно обычный для силачей-атлетов скепсис по отношению к японской самозащите. Даже при обезоруживании отдавал предпочтение боксерскому удару, а не захвату вооруженной руки на прием,

В руководстве приведены, по существу, все боксерские удары и защиты в пределах технического уровня тех лет. Так, наряду с «выпадами» и некогда классической техникой «бокового свинга»², ставшего архаикой уже тогда, рекомендованы серийные удары, которые только еще начинали прививаться на советском ринге. Использован запрещенный в спорте удар ниже пояса, а также и несправедливо расцененный как непригодный на ринге «нижний свинг» (апперсвинг), который в действительности был значительно практичнее архаично-классического «бокового». Из французского бокса были взяты только «нижние» удары ногами, то есть те, что наносятся в пах, голень и колено. Что же касается «верхних», то автор писал: «Удары в лицо... для нашей цели совершенно непригодны. Они требуют почти акробатической ловкости и опасны для наносящего, так как совершенно выводят его из равновесия». Столь популярные в джиу-джитсу удары ребром ладони тоже были решительно отвергнуты: «Удары краем ладони... мы опускаем вовсе, как мало применимые по ряду причин». В определенных ситуациях использованы удары лбом в лицо, коленом в пах, живот и колено, а еще толчок рукой в боковую поверхность колена (на перелом).

Вся техника в книге подразделена на две части: «Удары» и «Захваты», под ко-

торыми подразумевались не только болевые приемы, но и броски. Имея солидный опыт во французской борьбе, автор весьма туманно представлял борьбу в одежде, располагающую бросками, наиболее ценными в рукопашном бою. Это определило скудный и не слишком удачный бросковый «ассортимент» руководства. Из них два «французских» броска с захватом на «передний» или «боковой пояс»: «Приподни-

² Терминология Солоневича. Он пользуется терминами, принятыми в английском боксе и французской борьбе.

масте захваченного противника от земли, небольшим размахом отбрасываете его ноги, например, влево и затем резким поворотом корпуса вправо бросаете его вправо, на землю. Проведение этого броска может быть облегчено подножкой: выставляете вперед и вправо вашу ногу (левую или правую) так, чтобы она подбила или задержала правую ногу' противника». Нетрудно заметить, что броски эти не только не практичны, но и опасны для самого применяющего их, так как предоставляют противнику широкую возможность контратакующих действий, начиная с элементарного удара коленом в пах. Кроме того, при значительной разнице в весе они вообще трудно выполнимы. Описав их технику, сам автор признает, что броски эти, «...как способ нападения, имеют для милиции очень небольшое значение... Для милицеской практики они не годятся, потому что в

большинстве случаев (кроме подножек) нападающий падает вместе с противником (хотя бы и сверху его)». Остальные три броска — бедровые с различными захватами, два из них — с переходом в партере на рычаг локтя вверх через колено. Эти броски предназначались, в частности, как контратака против некоторых ударов и захватов. Подножки использовались только в качестве дополнительного, «сопутствующего» воздействия при некоторых болевых приемах. При этом объяснение их техники считалось излишним, как действия, само собой разумеющиеся, что надежно обеспечивало примитивно «самодельное» исполнение таких бросков.

Что касается удушений, то они присутствуют в следующем виде: удушение предплечьем, находясь спереди («крават» французской борьбы) или в большинстве случаев сзади противника. Эти же «ошейники» используются и для проведения бросков.

В предисловии «От редактора» Киселев особо подчеркивает, что «труд т. Солоневича построен на чисто производственной базе, на анализе милицеской и розыскной службы». Действительно, например, такие болевые, как загибы руки за спину, скорее всего, взяты не из джигуджитского пособия, а непосредственно из милицеской сложившейся практики. Один из них — загиб руки рывком. В остальных трех использованы борцовские приемы: «ключи» (в том числе запрещенные в спорте) и «перевод», то есть рывок на себя руки противника, захватив ее за кисть и за локоть снизу. В борьбе «перевод» с захватом не за кисть, а за запястье используется для поворота соперника боком или спиной к себе и взятия на «боковой» или «задний пояс». Был еще вариант «загиба» ударом ладони снизу в локоть выпрямленной руки противника, сделавшей захват за горло, который исполнял роль защитного контрприема. Вся эта категория болевых преподносилась также и в качестве способов конвоирования и обезоруживания, хотя некоторые из них довольно сомнительны. Исполняющий их не разворачивает

противника спиной к себе, а остается с ним лицом к лицу, позволяя контратаковать себя ударом колена в пах, тычком пальцев свободной руки в глаза и другими способами.

Рычаги, помимо уже упомянутых, представлены также четырьмя традиционными японскими рычагами локтя вверх: 1) на своей руке, захватившей одежду на груди противника или его шею; 2) на задней поверхности своей шеи; 3) «милиейским»; 4) захватом руки противника на одноименное плечо с возможным броском и повреждением локтевого сустава. Приведен еще заимствованный из вольно-американской борьбы довольно редкий рычаг локтя вверх в положении стоя с достаточно сложным захватом. Разноименную руку противника захватывают под мышку, подводя предплечье под его локоть снаружи, а ладонью опираясь на другую свою руку, ладонь которой лежит на плече захваченной руки противника.

Из остальных болевых фигурируют еще три не очень удобных варианта поворота предплечья во внешнюю сторону, один из которых комбинируется с дожимом кисти. В чистом же виде дожим рекомендуется только при обезоруживании в качестве завершающей стадии, при которой оружие изымается из руки противника. В целом же, столь важному вопросу милицмейской работы, как обезоруживание, в руководстве не уделено должного внимания. Способы предлагаются не слишком надежные. Их описания недостаточно детализированы и рассеяны по самым различным разделам книги. Нередко упомянуты всего лишь мимоходом при рассказе о каком-либо приеме, который, в частности, может быть использован и против вооруженного противника.

Заключают книгу тактические советы, в основном, о ведении боя ударами и рассмотрение конкретных случаев использования приемов в милицмейской практике. Обладая опытом спортсмена и тренера, Солоневич давал также советы по обучению, особо подчеркивая роль общефизической и силовой подготовки.

Мне не хотелось бы быть излишне критичным по отношению к системе, созданной более семи десятилетий назад. К тому же, в двадцатые годы она вполне могла в определенной мере и на определенном уровне выполнять свои функции. В историческом же плане руководство представляет большой интерес как первая у нас, пусть не очень успешная, попытка органически тесно увязать удары с приемами в способах ведения рукопашного боя. Я бы даже сказал, что именно органичный характер этой увязки был значительно более явственно намечен, чем у самого лидера самозащиты тех лет В.А. Спиридонова. Однако автору явно мешал недостаточно глубокий уровень позна-

ний в области реального полицейского рукопашного боя, который он пытался заменить своим чисто спортивным опытом. Его позиция — это тривиальный взгляд борца и боксера-тяжеловеса, который уже в силу одних своих физических данных и спортивных навыков получает солидную фору в уличной схватке. Не говоря уже о нежелательности слишком широкого использования ударов в полицейской системе, предлагаемый им высокий уровень массовой боксерской подготовки был просто нереален в условиях милицеской службы того времени. Освоение

полного курса бокса за то достаточно короткое время, которое отводилось для милицеской подготовки, было явно невозможно.

Насколько можно судить, система Солоневича так и не получила широкого распространения в практике правоохранительных органов, и не только из-за частных своих недоработок. Ее забвение было тем более неизбежно, что всего два года спустя к услугам милиции и угрозыска была предложена значительно более зрелая и совершенная система, о которой пойдет речь в следующей главе.

Глава 6

Система велоэквилибриста

Капитан милиции из Нижневартовска Сергей Дресвянин написал в своем ведомственном журнале: «В последнее время вышли в свет различные пособия и наставления по боевому самбо, в каждом из которых уважительно упоминаются В.С. Ощепков, В.А. Спиридонов, А.А. Харлампиев. Но в этом ряду нет еще одного имени — Н.Н. Ознобишина. Имена Ощепкова и Спиридонова мы узнали, благодаря усилиям ветерана Михаила Лукашева, буквально в последние годы, но почему-то об Ознобишине он говорит скороговоркой. Мне же кажется, что разговор о системе рукопашного боя Н.Н. Ознобишина будет полезен современному милиционеру» (Дресвянин С. Забытое имя, или десять заповедей по физической подготовке милиции. // «Милиция». Декабрь, 1992 г.).

Я полностью согласен с капитаном, безоговорочно принимаю его справедливый упрек в мой адрес и хочу отдать этот давний должок своим читателям. Тем более что за последние годы писать об Ознобишине принялась молодежь, самозабвенно увлекающаяся восточными единоборствами и о своих, отечественных системах имеющая самое туманное, если даже не извращенное, представление.

Должен признаться, что из всей длинной череды незаслуженно забытых русских мастеров самозащиты, благодарную память о которых мне довелось восстанавливать, никто не доставил мне столько хлопот и затруднений, сколько Ознобишин. Поистине, это была какая-то невероятно загадочная, таинственная фигура! Одной лишь его книги о руко-

пашном бое, которой я располагал, было, конечно, недостаточно. Необходимо было отыскать хотя бы основные факты его биографии, которая всегда неразрывно связана с деятельностью человека и во многом объясняет ее. Но вот с биографией-то и возникали непреодолимые трудности.

В дореволюционных спортивных журналах изредка встречалась его фамилия, но никто из ветеранов не знал о нем почти ничего. Разузнать удавалось лишь какую-то мелочовку, да и она нередко оказывалась противоречивой и даже недостоверной. Давний корреспондент «Советского спорта» Борис Львов, который, как и Ознобишин, являлся членом дореволюционного Московского клуба лыжников, смог сообщить только то, что в фамилии его былого коллеги якобы следует делать ударение не на третьем, а на втором слове и что отец его — купец второй гильдии — держал в Москве магазин.

Мой тренер по боксу Андрей Илюшин, чемпион-легковес 1922 г., рассказал, как в те безденежные годы Ознобишин подрядил его и будущего чемпиона СССР Владимира Езерова выступить в цирке шапито в подмосковном Всехсвятском. Матчи были «шике», что на цирковом жаргоне означало «липовые», а чтобы правдоподобнее имитировать кровавые повреждения бескомпромиссной битвы на ринге, они брали в рот клюкву, которую раздавливали зубами в нужный момент. Еще Андрей Гаврилович припомнил, что Ознобишин приглашал его «вместе с Костей Градополовым сниматься для иллюстраций его книги».

А в присланной в Москву рукописи воспоминаний ветерана российского футбола Михаила Ромма «Я болею за «Спартак»» я прочитал, что в тридцатые годы в редакцию газеты «Красный спорт», бывало, «заходил худой, как скелет, Ощепков, инициатор джиу-джитсу в Москве (самбо тогда еще не знали)». Было понятно, что за давностью лет Ромм слегка напутал: имел в виду он, конечно, не атлетически сложенного тяжелою Ощепкова, а именно Ознобишина, который, действительно, отличался патологической худобой. Немедленно написал в Кзыл-Орду, где Ромм так и остался, отбыв срок своей ссылки. Однако нового ничего не узнал. Михаил Давидович горячо поблагодарил меня, но исправления так и не внес: то ли рукопись уже находилась в печати, то ли он больше доверял собственной памяти. Книга так и вышла с этой курьезной ошибкой.

Пытался я продвигаться и по другому пути: стал отыскивать Ознобишиных, живших в прошлом веке, чтобы от предков подойти к моему герою. Появились в моих записях малоизвестный поэт Дмитрий Ознобишин, современник Пушкина и Лермонтова; И.И. Ознобишин, участвовавший в любительском благотворительном спектакле «Ревизор» в 1860 году вместе с такими знаменитостями, как Достоевский, Тургенев, Майков, Курочкин, Григорович... Был в Москве и Ознобишин переулком по имени одного из домовладельцев. Еще какой-то Ознобишин, похороненный на русском кладбище в Ницце... Дмитрий Васильевич Ознобишин — потомок одного из декабристов... Результатов же по-прежнему никаких не было. Наконец, ветеран русского спорта и спортивной журналистики, мой добрый старший товарищ Борис Михайлович Чесноков разыскал для меня адрес, по которому Нил Ознобишин жил в конце двадцатых годов. Надежды, конечно, очень мало, но вдруг там все еще живут какие-то родственники, а у них — какие-нибудь старые документы, фотографии, записи, неизвестные книги (ведь именно так в свое вре-

мя мне удалось выйти на драгоценные спиридоновские материалы). И вот он — бывший Машков переулком, успевший уже к этому времени превратиться в улицу Чаплыгина, старенький флигель во дворе, коммунальная квартира на втором этаже. Прямо на пороге узнаю, что никто из жильцов об Ознобине и слыхом не слыхивал. Но это все сравнительно молодые люди, и я хватаюсь за соломинку своего последнего шанса:

— А нельзя ли найти кого-нибудь из старых жильцов?

— Можно. Есть одна старушка. Вот ее телефон.

Но то, что мне довелось услышать в телефонной трубке, буквально, подкосило меня:

— Ознобишин написал книгу?! Вот уж никогда не подумала, что такой человек может что-то написать... Здесь жила семья купца Бетипаж. Его дочь — энцефаличка, какая-то сумасшедшая, неопрятная. Она — жена Ознобишина, только они не расписаны. Он потом куда-то исчез, а ее братьев арестовали в тридцать седьмом году...

Мне оставалось только гадать, что здесь было от высоко-идеологической классовой ненависти и что — от неистребимого синдрома коммунальной «вороньей слободки». А вот о судьбе Ознобишина гадать уже не приходилось. И, действительно, все мои безответные вопросы смогла прояснить только вездесущая Лубянка. Увы, но в своих бесконечных поисках к помощи этого всемогущего учреждения мне пришлось обращаться значительно чаще, чем хотелось бы: В.С. Ощепков, И.Л. Солоневич, Н.Н. Ознобишин. Правда, проникнуть в сверхсекретный архив удалось лишь после трехлетних домогательств и только в девяностом году, когда КГБ уже дышал на ладан.

Одной из первых страниц ознобишинского «уголовного дела» была заполненная с его собственных слов анкета. Конечно, что-то в ней могло быть сокрыто или сознательно искажено в своих интересах, что-то уже забыто заполнявшим ее, но это единственный, так сказать, автобиографический доку-

мент и поэтому очень ценный. Сразу же отпал московский купец, «претендовавший» на роль отца. Нил Николаевич Ознобишин родился в 1892 году в семье потомственного дворянина, который служил управляющим государственным конным заводом (выходит, я не ошибался, когда отыскивал родовитых предков в XIX веке!). Верховая езда, похоже, была потомственной страстью Ознобишиных. Брат Николай, несмотря даже на некоторые физические недостатки, сумел окончить специальную школу в Миргороде, стал профессиональным наездником и, обзаведясь собственными лошадьми, выступал на ипподромах («эпадромах» — записал в протоколе следователь). Нил тоже отлично ездил верхом, и, когда за год до начала Первой мировой войны его призывали рядовым в 18-й Гусарско-Невский полк, он был сразу же назначен наездником запасного эскадрона.

Я разыскивал Ознобишина в спортивных кругах, но он принадлежал цирковым. Доктор искусствоведения, профессор и заслуженный деятель искусств Юрий Арсеньевич Дмитриев, большой знаток цирка, вспоминал Нила Николаевича с откровенным восхищением: «Удивительный был человек! Разносторонне образованный, знал несколько иностранных языков...» Между тем, Нил имел всего-навсего среднее образование, да и то полученное экстерном. Свой же богатейший запас эрудиции приобрел за счет упорной самостоятельной работы. Пятнадцати лет от роду стал артистом группы велофигуристов «Бостонс» (Дмитриев, со слов самого Нила, впрочем, считает, что тот родился не в 1892-м, а в 90-м году, и, следовательно, ему было уже семнадцать, а не пятнадцать лет. Но я исхожу из данных анкеты). С 1907 по 1912 год юный циркач в составе группы гастролировал в Англии, Франции, Германии, Австро-Венгрии, Италии, Северной Африке. Возможно, он забыл назвать в анкете еще и Австралию, так как в своей книге упоминает, что был очевидцем знаменитого поединка за звание абсолютного чемпиона мира по боксу между Томми Бернсом и негром

Джеком Джонсоном, проходившего в 1908 году в Сиднее. Овладеть на специальных курсах английским, французским, немецким, итальянским и шведским языками для этого способного парня не составило большого труда: несомненно, очень помогало «погружение» в чужую языковую среду во время бесконечных гастролей. Нашел он и время для того, чтобы окончить училище иностранных торговых корреспондентов Мансфельда. Отдавая дань молодежно-интеллигентскому увлечению политикой, Нил в 1912 году в Туле был арестован и ненадолго попал в «кутузку» в связи с делом известного анархиста князя П.А. Кропоткина.

В спортивных журналах тех лет можно встретить его фамилию. В 1914 г., выступая на первенстве легкоатлетической лиги от Московского клуба лыжников, он разделил первое место по прыжкам в высоту с хорошим результатом — метр шестьдесят сантиметров. Это было всего лишь на шесть сантиметров меньше рекорда Москвы. На следующий год, уже перейдя в общество «Санитас», Нил принял участие в первом чемпионате Москвы по боксу. Состязание это было весьма своеобразным и проходило в специально арендованной чайной на Грачевке. Одиннадцать участников, по мнению прессы, «число более чем приличное», были разделены на пять «весовых классов». Ознобишин весил 52,4 кг и выступал в самом легком — «классе пера», где, кроме него, был еще всего лишь один участник. Победив его уже в первом раунде, Нил, однако, не стал чемпионом. Правила требовали, чтобы победители каждого «класса» боксировали еще друг с другом, и только тот, кто оказался в этой борьбе сильнее, получал титул чемпиона Москвы. По существу, это было довольно странное абсолютное первенство. В следующем бою Нил боксировал против победителя «легкого класса» — известного пловца Ланкау (58 кг) и был вынужден отказаться от боя тоже в первом раунде.

С началом Гражданской войны Нила призывают рядовым в Красную армию:

«С 1918 по 1926 гг. в разных частях в должности бойца и инструктором по физкультуре в политотделе 6 Армии», — сообщается в анкете. В «должности бойца», надо думать, пробыл он недолго и, как специалист, был откомандирован на спортивную работу. Именно тогда ему довелось встретить будущего знаменитого чемпиона К.В. Градополова. «Я тренировался тогда в Центральном клубе Всевобуча», — вспоминал Константин Васильевич. — Наставником секции бокса был Нил Ознобишин, который в свое время выступал в весе «мухи», имея рост 185 см. За худобу его прозвали «человеком о двух измерениях». Спортивные достижения Ознобишина были невысоки, но он любил спорт и никогда не упускал случая побоксовать на ринге. Нил был интереснейшим рассказчиком, с неисчерпаемой фантазией. Часто в его рассказах было трудно отличить быль от выдумки. Он говорил о романтике профессионального бокса, о Джонсоне и Карпантье, которых видел в Париже в сенсационных матчах того времени. Рассказывая о боксерах, Ознобишин нередко показывал их приемы, «посвящая нас в таинство побед этих боксеров и раскрывая секреты техники». «Таинственные» приемы Ознобишина сейчас выглядели бы довольно странно. Один из них мне особенно запомнился. Идея его заключалась в том, чтобы нанести противнику удар сразу двумя руками. Для этого боксер должен был атаковать одновременно двумя боковыми ударами, нанося один из них в голову, а другой — в туловище противнику. Затем он без остановки наносил эти же удары в обратном порядке. Некоторое время я доверчиво упражнялся в освоении этого «приема»... Сейчас такой прием мог бы фигурировать лишь в отделе юмора спортивного журнала... Вот с такого «уровня» начинались наши искания в методике бокса... учиться было не у кого».

Очень может быть, что кто-то из читателей удивится: почему же я игнорирую те важные сведения из биографии Ознобишина, которую так лихо расписал харьковчанин Г. Панченко в мин-

ском журнале «Кэмпо», а затем повторил в одной из своих объемистых книг из серии «История боевых искусств»? Да дело в том, что все эти «жаренные факты» из панченковского повествования, которое я вкратце процитирую, мягко говоря, не соответствуют действительности:

«Не самым сильным, не самым ранним, но наиболее известным из «джиу-джитсеров» (так их тогда называли) дореволюционной России следует признать Нила Ознобишина. Его школа стала довольно представительной, еще начиная с 10-х гг. нашего века... Приемы, взятые, в том числе, и из школы Ознобишина — хотя и не только отсюда — как раз тогда начала перенимать... русская охранка. Полицейским они были нужны для обезоруживания как уголовников, так и «подрывных элементов» — революционных боевиков. Сам Нил Нилович (автору неизвестно, что отчество Ознобишина вовсе не «Нилович», а Николаевич — М. Л.) о своих достижениях в области обучения агентов полиции предпочитал широко не распространяться — и его можно понять. Ведь в последующие годы ему пришлось наставлять агентов тайной полиции уже советского образца».

Этот заведомо пасквильный рассказ помещен в разделе книги с рассчитанно оскорбительным, издевательским названием: «Стиль от Лаврентия Павловича». Постыдную клеветническую грязь подобного пассажа особенно остро чувствуешь, зная, что единственный контакт Нила Николаевича «с тайной полицией советского образца» состоялся только лишь во время его ареста и безвинного осуждения...

Как правило, в сомнительных случаях Панченко предпочитает не указывать источник подобных сведений. Здесь он тоже лишен возможности сослаться пусть всего лишь на одну-единственную строчку в дореволюционной прессе, где хотя бы мельком были бы упомянуты наиболее известный из «джиу-джитсеров России» и его «довольно представительная школа». По какой-то необъяснимой причине, даже в годы всеобщего и глу-

бочайшего увлечения японской системой, этот прославленный русский сэнсэй так и остался абсолютно неведомым как для спортивной, так и неспортивной печати. Видимо, именно из-за этого Панченко спешит сослаться на целую «бригаду» очевидцев, хотя их фамилии все-таки предпочитает не называть. Стараясь придать правдоподобия своему рассказу, он говорит о воспоминаниях, которые якобы оставили «многие борцы, боксеры и прочие рукопашники тех лет».

Однако хорошо известно, что никаких воспоминаний «многих прочих рукопашников» просто-напросто никогда не публиковалось. Вот мемуары известных борцов печатались, но как бы тщательно вы ни просматривали их, обнаружить хотя бы даже просто упоминание самой фамилии Ознобишина вам не удастся.

А один-единственный боксер — К.В. Градополов, о котором Панченко почему-то говорит во множественном числе — «боксеры», в своих «Воспоминаниях боксера», как вы могли убедиться, буквально ни одного слова не говорит о джиу-джитсу, а всего лишь с доброй усмешкой повествует о заумных боксерских сериях, «изобретенных» неутомимым фантазером Нилом.

И вот, опираясь всего лишь на этот шуточный рассказ Градополова, Панченко с самым серьезным видом на нескольких страницах «творчески» реконструирует, анализирует и даже слегка критикует «представительную», но в действительности не существовавшую «дореволюционную школу Ознобишина». В полной бессмысленности этого занятия легко убедиться, сравнив «анализ» харьковчанина с тем, что написал сам Ознобишин в своей книге.

По существу, все, что об Ознобишине написал Панченко, является всего лишь его вольным (непозволительно вольным!) истолкованием всего лишь двух реальных фактов. Использование первого из них — «градополовского» — вы уже имели возможность оценить. А второй объективный факт — это выпуск книги Нила Николаевича «Искусство

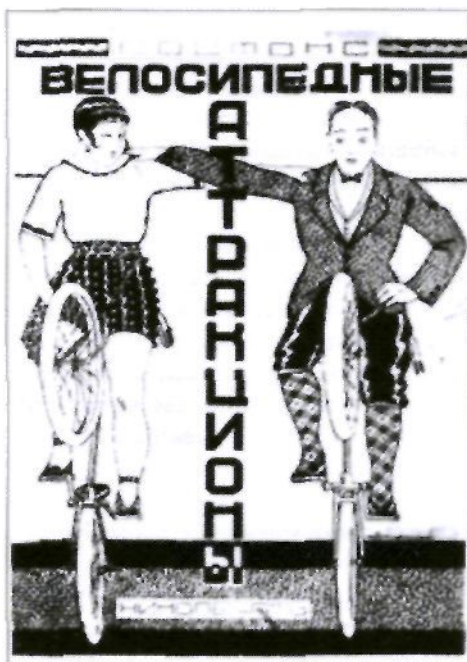
рукопашного боя» издательством НКВД в 1930-м году. Вот эта обманчиво одиозная марка издательства и стала путеводной звездой в логических блужданиях харьковского историка на беспешном пути к истине. Его немудрящие умозаключения могут кому-то даже показаться безукоризненно логичными: НКВД — это та самая «тайная полиция советского образца», и напечатать руководство по рукопашному бою в его издательстве могут только лишь одни сотрудники упомянутой «полиции». Однако такая иллюзорно безукоризненная логика жестоко обманула историка. Он не знает, что советская служба госбезопасности в силу различных причин много раз меняла свою «вывеску»: ЧК, ВЧК, ГПУ, ОГПУ, НКВД, НКГБ, МГБ, КГБ. И как раз в 1930 году, когда была издана книга Ознобишина, госбезопасность именовалась отнюдь не НКВД а ОГПУ.

Что же касается НКВД — Народного комиссариата внутренних дел, то тогда он был полностью аналогичен современному МВД. И являлся вполне добropорядочным ведомством, командовавшим милицией, угрозыском и воевавшим не с «врагами народа», а только с многочисленной уголовщиной. Именно для этих, и лишь для этих правоохранительных органов и писал свою книгу Нил Николаевич.

А снабжать госбезопасность подобной литературой являлось абсолютной монополией В.А. Спиридонова, и он никого даже близко не подпускал к своим владениям. Достаточно вспомнить его конфликты с В. С. Ошепковым или своим учеником В.П. Волковым.

Даже не зная всего этого, по самой книге не трудно понять, что адресована она была исключительно «блестителям порядка». Сведения там приведены, необходимые в борьбе с уголовниками: их тактика и приемы. На фото-иллюстрациях — люди именно в милицейской форме тех лет, а отнюдь не ОГПУ (см. рис. 98 «Двойные приемы в более серьезных случаях»).

Наконец, книга Ознобишина, точно так же, как и другие милицейские руко-

водства тех лет (И.Л. Солоневича или анонимное украинское издание), не несет запрещающего грифа «ДСП», что для материалов госбезопасности было просто-напросто невозможно!..

Вероятно, такая «нестыковка» все же несколько смущала Панченко, и он попытался объяснить ее своим излюбленным способом — совершенно голословным утверждением: «Школа Ознобишина довольно долго сохраняла определенную степень «открытости», но печатные

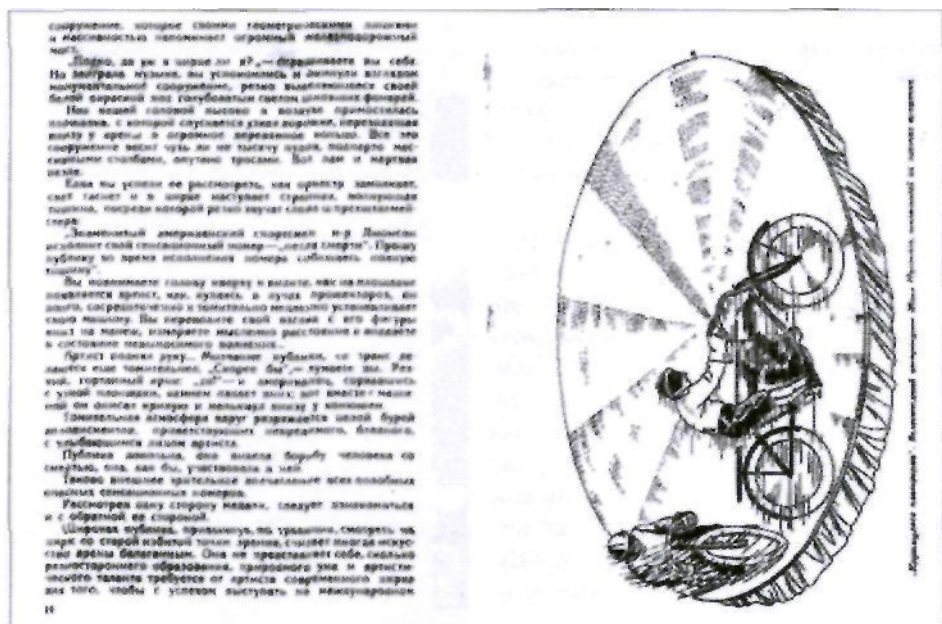
методики ее основателя распространялись уже с грифом «ДСП» (?)».

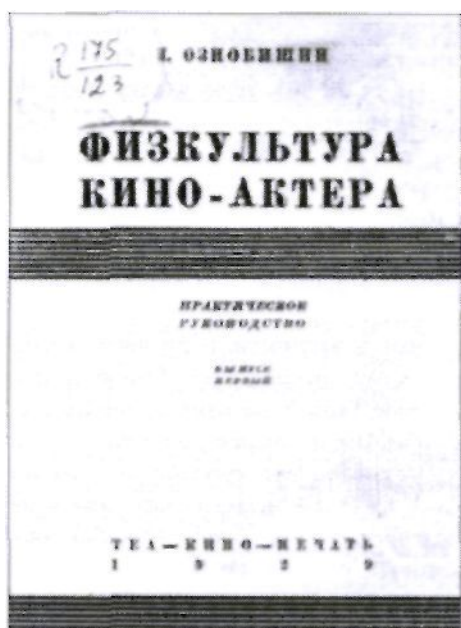
На ту же нехитрую удочку попался и минчанин Тарас в своей толстенькой, но уж очень гадательно-предположительной книге «Рукопашный бой Смерш». Там он заподозрил, что все сотрудники армейской контрразведки военного времени — «Смерш» — были сплошь энкаведистами, а обучение проходили, в частности, и по чисто милицейскому руководству Ознобишина, которое Тарас тоже наивно считает расчитанным на госбезопасность.

И совсем уже грустное то, что ни один из этих «специалистов» даже и не подозревает, что книга Ознобишина, которую они прочтут в качестве руководства госбезопасности и контрразведки, вскоре после выхода из печати была... «изъята», то есть отобрана у библиотек и книжных магазинов, и сожжена. Об этом вы узнаете в одной из следующих глав.

Однако же нам пора перейти от этих фантазий к подлинным фактам биографии моего героя.

Демобилизовавшись, Нил перебивается случайными заработками. Консультирует и оформляет постановки выпускников циркового техникума, пишет статьи для журнала «Цирк и эстрада». Считает себя журналистом. И совсем

напрасно сомневалась его соседка: Нил опубликовал не одну, а целых четыре книги. Три — посвященные цирку и кино: «Велосипедные аттракционы», «Иллюзионы (фокусники и чародеи)» и «Физкультура киноактера», а четвертую — рукопашному бою.

На рубеже 20-30-х годов его часто видят в цирке и в Государственном техникуме циркового искусства. Тогда и познакомился с ним Дмитриев, который говорил так: «Он из старинной дворянской семьи Ознобишиных, но говорил, что его отец был жокеем. Очень воспитан — на редкость, по тем временам, целовал дамам руку. Речь интеллигентная. Много интересного рассказывал нам, молодежи... Но человек, не думающий о завтрашнем дне и очень легко тратящий деньги. Мы его кормили: водили с собой на фабрику-кухню на Ленинградском шоссе, а с зарплаты молодые артисты — в ресторан «Ливорно» на Рождественке... Он был бомжем, как теперь говорят. Ночевать студенты оставляли его в общежитии, если койка была свободная, или у сторожа техникума. И в цирковой конюшне ночевал с конюхами; там всегда тепло. Одет был почти в лохмотья... Ну, не совсем: пиджак с чужого плеча, заплат, дыры...»

Я понимаю, в какое изумление может быть повергнут читатель, прочитав такое. Но меня это совсем не удивило. Из материалов дела я уже знал, что Ознобишин страдал недугом, сгубившим немало талантливых русских людей, — алкоголизмом. Впрочем, наверное, это был единственный в истории медицины случай, когда болезнь спасла жизнь больному. Заболев в тридцать седьмом белой горячкой, Ознобишин оказался в психиатрической клинике, а это было единственным местом, где чекисты не отлавливали своих «клиентов»...

Параллельно с работой в цирковой сфере, одно время Ознобишин преподавал в московской школе милиции. Но, скорее всего, был там кем-то вроде консультанта, но не штатным преподавателем. Очень маловероятно, чтобы человека с такой биографией и с такими вредными привычками могли зачислить в штат правоохранительного учреждения. Дмитриев утверждает, что Нил вообще никогда не состоял штатным сотрудником ни в одной организации. А это означало: с точки зрения официальных властей, он являлся «лицом без определенных занятий», что уже само по себе вызывало тогда подозрения. Этот факт был особо отмечен в уголовном деле.

А еще делал он множество переводов с различных иностранных языков,

и основным его заказчиком являлся институт физкультуры. Незадолго до войны вместе с двумя артистами цирка завоевал на конкурсе первый приз, представив оригинальный номер с боксерскими грушами, который не был осуществлен, так как требовал затрат.

В сущности, это был глубоко несчастный, больной, опустившийся человек трагической судьбы. Еще в 1934 году семья его развалилась, он ушел, бросив жену с восьмилетним сыном. Года за два до войны отбыл двухмесячное заключение за неуплату алиментов. Своего жилья не было. Когда появлялись деньги, снимал где-нибудь угол. Жил у знакомых одолжения ради, у женщин на правах фактического мужа...

Крепко выручало его знание языков, которыми он по-прежнему свободно владел. До войны у нас превалировало знание немецкого, а переводчиков с английского было еще мало, не говоря уже о таких редких языках, как шведский. И, несмотря на нетрезвое поведение и неприглядный вид, Ознобишину доверили перевод даже в «Автотанковом управлении» (название сформулировал он сам и, боюсь, не очень точно).

Война резко обострила все его проблемы. Основной заказчик — институт физкультуры был эвакуирован в Свердловск. И Нил признает, что даже воровал вещи соседей, уехавших в эвакуацию. В это тяжелое время у него остается всего лишь один более или менее постоянный, хотя и недостаточный заработок: переводы, которые заказывал ему некий Святослав Абрикосов, физик из какого-то института Академии наук. Они познакомились случайно, в больнице, где Нил лечился от кожного заболевания. По словам Абрикосова, Ознобишин «пришел в больницу в ужасно изношенном платье и не хотел до тепла выписываться. Но 31 декабря 1940 года выписали». При всем безразличном отношении к новому знакомому, Абрикосов взял на заметку, что тот без труда переводил какие-то материалы для больницы и что-то по боксу для института физкультуры. Впоследствии, уже во время войны, он неоднократно пользовался

услугами недорогого переводчика и для себя, и для своего двоюродного брата, который был как-то связан с авиацией. Обтрепанный, грязный и нетрезвый переводчик вызывал у братьев откровенное отвращение, но всего за час, в их присутствии, он безупречно переводил любую статью из иностранных научных журналов. Приходилось терпеть, хотя избавиться от его присутствия в своей квартире они старались как можно скорее. Шел злоеющий сентябрь сорок первого. Сильнейшая в мире немецкая армия неудержимо рвалась вперед, захватывая все новые и новые города, и неумолимо приближалась к Москве. Абрикосовы, как все нормальные люди, не могли не тревожиться этим и об этом не говорить. Но какой-то сукин сын, из их знакомых, донес об их «пораженческих разговорах». Арест последовал незамедлительно, и была задействована стандартная техника «выявления всей вражеской сети»: «А с кем еще вы поддерживали отношения?» И уже к концу октября смертельно перепуганные и уж, наверное, не раз избитые братья Абрикосовы не только называли в числе прочих и Ознобишину, но и наговорили о нем такое, что «попинкертоновски» проницательный

младший лейтенант госбезопасности Охрименко, не колеблясь, написал в постановлении об аресте: «Бывший крупный собственник и офицер царской армии, без определенных занятий, антисоветски настроен, ведет подозрительный образ жизни, поддерживает связь с немцами, разрабатываемыми в подозрении по шпионажу. Устанавливает связи с лицами, работающими на оборонных военных заводах, проявляет большой интерес к работе этих заводов и выпускаемой продукции». А сам замнаркома Кобулов, не раз лично наносивший подследственным классические хуки и апперкоты и известный под кличкой «Боксер», своей твердой рукой начертил автограф в графе «Утверждаю».

Как это ни дико прозвучит в подобных обстоятельствах, но можно сказать, что и Ознобишину, и Абрикосовым сильно повезло: они не попали в число

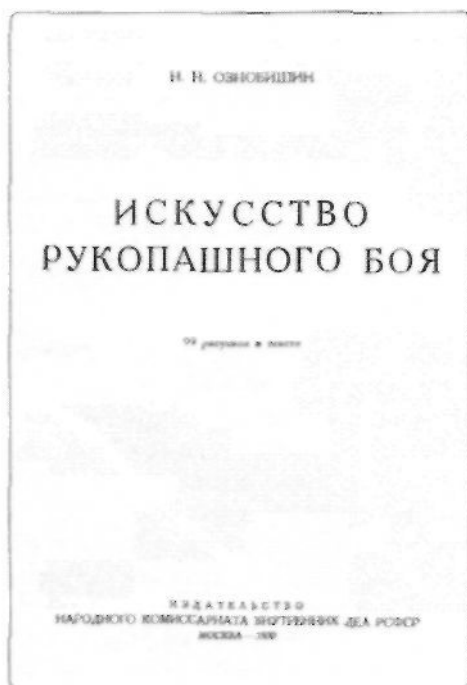
тех арестованных, которых с трусливой поспешностью расстреляли при подходе немцев к столице. Их «эвакуировали» в саратовскую тюрьму. И невозможно понять, как истощенный, больной Нил смог выдержать четырехмесячный этап в неотапливаемом, набитом битком товарном вагоне той необыкновенно морозной зимой...

Конечно же, Ознобишин — вовсе не тот «крутой» супермен, каким читатель хотел бы видеть автора совсем неплохой системы, но при всей своей хилой немощи это была поистине железная натура. В обледеневшем вагоне он преподавал Абрикосовым иностранные языки, а в саратовской тюрьме поделился планами своей будущей работы в цирке и создания целой цирковой труппы. А те, естественно, восприняли такой невероятный оптимизм только как явный признак психической ненормальности. От допроса к допросу в протоколах мелькают угрожающие вопросы: «Почему вы не хотите рассказать правду?! Вам не удастся отделаться ссылками на отсутствие памяти. Вы врете!.. Вы скрываете свои преступные связи... Мы располагаем точными, проверенными данными, как о ваших антисоветских настроениях, так

и контрреволюционных высказываниях ваших сообщников. Запирательство не спасет вас от разоблачения... Еще раз советуем продумать свое положение и со всей откровенностью дать признательные показания...» Трудно поверить, что его при этом не били, но он упорно не признавал ни одного из предъявленных обвинений. И в конце концов, после более чем месяца бесконечных допросов, всего лишь согласился подтвердить признание Абрикосовых о том, что в его присутствии они вели «пораженческие разговоры». Нил все-таки сумел выиграть этот чудовищно неравный поединок с всемогущим НКВД и получил невероятно мягкое для тех лет наказание только лишь за недонесение о «преступных» разговорах: высылку в Казахстан сроком на пять лет...

Хотелось бы верить, что и там он сумел победить все ссыльные тяготы и то ли организовать самостоятельный цирковой коллектив, то ли, как прежде, обучать милиционеров рукопашному бою...

Единственным, но заметным вкладом Нила Николаевича в развитие техники и тактики ближнего боя стала его книга «Искусство рукопашного боя», вышедшая в 1930 году.

Несмотря на то, что немалую часть этой книги отняли неизбежные идеологизированные рассуждения, повторы и излишнее многословие автора, ее нельзя не признать достаточно капитальным трудом. Ко времени написания Ознобишин располагал практическими познаниями в области английского бокса и несомненным знакомством с цирковой французской борьбой, приемы которой в годы его юности знал едва ли не каждый спортсмен (вне зависимости от того, какой вид спорта являлся для него основным). В меньшей степени был знаком с французским боксом и особенно с вольно-американской борьбой. Еще до революции, скорее всего, знал кое-что и из очень модного тогда джиу-джитсу. При зарубежных гастролях мог даже наблюдать цирковые выступления «джиуджитсменов». При этом, однако, у него сложилось резко отрицательное мнение о джиу-джитсу в том виде, в каком оно, как правило, практиковалось тогда и у нас, и на Западе: «Вряд ли найдется хоть один небольшой конспект, систематично и ясно излагающий принципы японской системы. Такое явление наблюдалось не только в России, но и в других странах, например, Франции, Англии, Америке». Ценный материал дал тесный контакт с практическими работниками угрозыска и милиции. Несомненно, однако, что

главнейшей базой информации стала для него широчайшая возможность использования иностранной литературы на европейских языках, в том числе и новейшей. В этом смысле его работа, безусловно, являлась компилятивной (что подтверждает и Дмитриев). Но, при всем том, было это отнюдь не бесхитростное, механическое нанизывание разнородных элементов на единый стержень, а достаточно продуманный, творческий синтез с явным стремлением разумно критического отбора технических средств. В единую и цельную систему он старался объединить наиболее действенные в реальной схватке приемы английского и французского бокса, джиу-джитсу, французской и вольно-американской борьбы, а также стрельбу из личного портативного оружия. Словом, все, что могло потребоваться милиции и угрозыску при столкновении с уголовниками. При этом исходил из бесспорного принципа, что на практике нельзя ограничиваться средствами всего лишь какой-то одной, пусть даже самой популярной, как джиу-джитсу, системы самозащиты, но необходимо использовать также все эффективные приемы и других систем.

Панченко утверждает, якобы Ознобишин использовал в числе прочих и технику «возрождаемой в то время» «городской борьбы» Средневековья..., прежде всего знаменитые «85 приемов фон Ауэрсвальда». Однако никаких признаков подобного заимствования в руководстве нет и в помине. Во введении впервые у нас даны общий обзор и краткий исторический очерк рукопашного боя с иллюстрациями, в том числе и из Фабиана фон Ауэрсвальда, но не более того. А сама «знаменитая книга», на проверку, оказалась все-таки недостаточно знаменита для того, чтобы «знаток» Панченко смог правильно указать ее название.

Проводя параллель с военными действиями, Ознобишин в основу своей синтетической системы положил достаточно очевидный принцип дистанционного деления форм рукопашного боя, где на каждой из дистанций использу-

Все последующие фотографии иллюстрировали книгу «Искусство рукопашного боя»

стрельбе по мишеням. При употреблении же оружия в серьезном деле к нему следует прибегать лишь в случаях сильного ветра, стреляя по убегающему или находящемуся в отдалении противнику.

Рис. 15. Слево — правильное положение стреляющего. Справа — показывается как класть оружие на бок, взводя курок.

ются, как правило, средства какой-то одной из известных систем единоборства, боевой или спортивной. (Аналогичную мысль высказывал и Ощепков в своей лекции в Центральной высшей школе милиции). Ознобишин предусматривал шесть «боевых дистанций» и, в отличие от всех иных авторов, рассматривал ведение полицейского боя во всей его полноте, включая стрельбу. Именно она является формой боя на «первой боевой дистанции» (4-5 шагов). Капитан Дресвянин вполне обоснованно говорит в своей статье, что принятые ныне в милиции способы тренировки в стрельбе существенно уступают тем, что предлагались Ознобишиным: стрельба «по исчезающим», «горизонтально скользящим», «набегающим», «убегающим», внезапно появившимся в различных местах нескольким мишеням; стрельба из различных положений, в темноте на звук, на скорость. И я думаю, что здесь с капитаном трудно не согласиться.

Также к первой дистанции, но уже в пределах 3-4 шагов, отнесены действия тростью или иным аналогичным оружием. Но поскольку милиция не имела тогда на вооружении ни дубинок, ни сабель, принятых в дореволюционной полиции, бой на этой дистанции в книге не рассматривался. В пределах «второй боевой дистанции» (2-3 шага), где использовались удары ногами, «царствовал» французский бокс, изложенный по профессору Шарлемону. Исполнение им ударов дано на ряде фотографий и даже кинограмме. На остальных иллюстрациях в качестве демонстраторов выступают, как и в разделе английского бокса, К.В. Градополов, А.Г. Илюшин и сам автор (вы легко узнаете его по худобе и одежде: кепка, пиджак, бриджи и гетры). Удары ногами разделены на простые — до уровня пояса и сложные — по верхней половине тела противника. Описаны и защиты от них захватом ноги и последующим броском или вывертом ступни, используя приемы вольно-американской борьбы, а также «остановочными» — встречными удара-

противнику ударом правой руки в бок свингом, нижним ударом ноги, шассе левой ногой с прыжком, и шассе-круазе с прыжком.

3. Удар ногой с поворотом. В демонстрациях и состязаниях этот удар производит большой эффект благодаря своей гибкости

Рис. 29. Прямой удар ногой в диафрагму, пользуясь наклоном противника вперед.

и красоте, но он труден в исполнении и требует большого равновесия. Как тренировочное средство он очень хорош. Он употребляется в тех случаях, когда сделан горизонтальный удар в бок, отведенный противником во внутрь, чтобы вас перевернуть и ответить другим ударом. Чтобы остановить этот последний удар, вы и наносите удар ногой, с поворотом как раз в этот момент.

Удар наносит ногой, стоящей сзади, ударяя пяткой в корпус или в ногу противника, вытягивая ногу прямо, как в шассе-круазе или шассе.

Исполнение.

1 движение: повернуться на пятках обеих ног вправо, делая полуоборот так, чтобы правое плечо очутилось впереди, а левое сзади, голова поворачивается вправо, лицом к противнику.

2 и 3 движения: удар наносится в туловище или по ноге.

Защита. Если удар нанесен в туловище, то отводы удара и ответы те же, что и для горизонтального удара в бок, а если удар нанесен в ногу, то ногу оттягивают так же, как при нижнем ударе ноги.

Удара обратной стороны ноги. Это блестящие удары. В состязании они производят много эффекта, но требуют однако большой точности исполнения, а потому трудны.

Бывают нескольких родов удары: «передней», ногой, «задней»¹⁾ ногой, с места, с прыжком и с поворотом.

¹⁾ Термин «передняя» означает впереди стоящую ногу в данный момент

«задняя нога» сзади стоящую.

68

Рис. 30 Удар ногой в лицо в виде удара с поворотом. Защита рукой.

ми ноги, прерывающими атаку противника в самом начале.

Третья дистанция (1-2 шага) — это сфера действия ударов английского бокса. Но автор специально подчеркивает опасную условность современного спортивного боя на ринге и рекомендует технику старой английской школы, где вели схватку еще без перчаток, на голых кулаках, что более отвечает условиям реальных столкновений вне ринга. Казалось бы, мысль здравая, но здесь Ознобишин непоследователен и не во всем прав. Ведь именно такая техника была в свое время заимствована и использовалась во французском боксе для ударов руками, а ее он, говоря о бое на второй дистанции, справедливо характеризовал как «значительно устаревшую».

Рис. 51. Горизонтальный молотообразный удар кулаком.

Рис. 52. Горизонтальный удар предплечьем с ударом в пах и подхватом ноги для броска противника на землю.

«Бой вплотную в стойке без обхвата»

Среди рекомендаций, которые не могут не вызвать возражений: положение кулака при ударе «ногтями вверх», уже тогда ставшее архаизмом, как и удары С фехтовальным выпадом; поворот на правой пятке при нанесении «красса» правой; специальное «приучение к получению ударов в голову» и прочее.

Технический арсенал этой дистанции составили прямые в голову и корпус; короткие прямые в голову, которые автор именует «крессами»; хуки, под которыми понимаются «те же прямые в челюсть и шею, но наносимые в виде полудуги, и апперкоты под подбородок. Все это, как правило, с обеих рук, как в левой, так и в правой стойке. А из защит даны отбивы и уклон с встречным «крессом» в голову. В других же случаях уклоны и нырки признаются нежелательными, поскольку позволяют противнику «сделать захват или применить какой-либо прием борьбы».

Забавно отметить, что уже упоминавшийся Панченко, пытаясь охарактеризовать особенности ознобишинской школы, написал, что тот якобы проповедовал не боковую, а фронтальную стойку и использовал одновременные удары обеими руками, которые справедливо высмеял Градополов. Подобное невежественное утверждение заставляет усомниться, довелось ли этому «специалисту» вообще видеть книгу Ознобишина или он знаком всего лишь с ее выходными данными? Ничего похожего в руководстве нет, да и

быть не могло! Эти пресловутые удары — всего-навсего «грехи молодости», неудачный эксперимент, от которого автор, конечно же, вскоре отказался.

На четвертой дистанции — «бой вплотную в стойке без обхвата» (точнее, без захватов) — в ход идут запрещенные удары английского бокса: кулаком сверху, предплечьем, плечом и даже бицепсом, а также удары, которые Спиридонов объединял термином «джиуджитские»: ребром и основанием ладони, пальцами, локтем, коленом и головой из различных положений (вперед и назад). Даны «способы комбинирования некоторых из этих ударов с бросками. Для того чтобы сблизиться с противником и выйти на такую дистанцию, приводятся способы использования моментов, когда противник атакует ударом руки или ноги. А именно: с помощью клинча, захвата бьющей ноги или отбива наносящей удар руки противника «внутрь стойки». Однако схватку на данной дистанции автор считает «самым опасным фазисом боя» и рекомендует стараться избегать ее или, по возможности, занять наиболее выгодную позицию для немедленной атаки.

Здесь бросается в глаза одна многозначительная деталь. Если Ознобишин, как он говорит, действительно исходил именно из джиу-джитсу, то в пределах этой или предыдущей дистанции должны бы быть описаны болевые приемы в стойке, которые составляли весьма важную часть японской системы. Но их нет. Больше того, хотя в начале книги он делает вполне понятный реверанс в сторону «нашего уважаемого собрата по оружию В.А. Спиридонова», называя его единственным у нас знающим специалистом, то вот в конце решительно и даже очень резко отвергает болевые в стойке, которые у Спиридонова главенствуют: «Ручные ключи в стойке, ...которые профаны принимают за настоящее джиу-джитсу, очень импонируют широкой публике, так как их можно применять после первого же объяснения, но, к сожалению, лишь против противника, который добродушно намеренно им поддается. В действительности же мы,

практики, не придаем им никакого значения». И еще: на протяжении почти всего текста книги имеется в виду именно джиу-джитсу, но вот в заключительной части вместо этого названия возникает вдруг совсем другое — «джиудо». Гам же, в методических указаниях о проведении занятий тоже говорится уже не о джиу-джитсу, а о «схеме нормального урока по элементу «Джудо». Причиной столь резкого изменения взглядов автора стал, несомненно, приезд в Москву В.С. Ощепкова. Как раз тогда, в конце 1929 года, когда Ознобишин заканчивал работу над книгой, Василий Сергеевич провел весьма внушительную демонстрацию боевых приемов дзюдо в своей собственной «аранжировке». И слова о намеренно поддающемся «противнике» — прямое заимствование у этого мэтра, как и утверждение, что сделать болевой в стойке можно только лишь вслед за нанесением удара или проведением броска.

Схватка на «пятой боевой дистанции» представляет собой «бой вплотную в стойке с обхватом» (в захвате). Здесь задействована только бросковая техника. Допускаются некоторые броски французской борьбы, но лишь такие, которые не ставят в опасное положение самого бросающего. Основной же упор сделан на броски джиу-джитсу, учитывая их более прикладной характер. Среди этих бросков, которые автор называет «подножками», фигурируют как собственно подножки, так и подсечка, зацеп и даже бросок «ножницы». Не все эти броски равноценны и достаточно ясно описаны. Кроме «подножек», дан еще «ужасный бросок с упором ногой в живот», а также способы преследования брошенного противника болевыми приемами «обратный ручной замок» и «свертывание шейных позвонков».

Ознобишин пишет, что излагает «систему джиу-джитсу... так, как ее некогда преподавали профессора Японской школы в Лондоне, знаменитые призовые бойцы: Миаки, Юкио Тани, Хирано, Эйда, Кояма, Канайя и Диабусту». Однако весьма маловероятно, что он проходил обучение у кого-либо из на-

средств самозащиты, которыми располагает человек. Употребление того или иного вида диктуется обстановкой и ходом боя.

8 нашей системе рукопашного боя револьвер выполняет функции артиллерии; французский бокс по своему значению аналогичен ружейному огню пехоты; кавалерия в атаке — по нашей системе уподобляется бою на кулаках (английский бокс); между тем,

Рис. 12. Различные моменты рукопашного боя. Наверху: завязка бон. В середине: бой на земле. Внизу: развязка.

как джиу-джитсу единственная система, которая позволяет совершенно обезвреживать противника, — родственна пехоте, которая лишь одна из всех родов оружия может закрепить за собою линию, отбитую у неприятеля.

Сравним теперь нашу систему индивидуального боя с массовым действием войск в бою.

23

Рис. 57. „Накладка” пальцев с захватом подбородка Другой рукой, сопровождаемая подножкой сзади.

Рис. 90. "Подход". 1-й момент: Внимание-отвлекается словом или жестом, чтобы ударить первому: "Смотрите, товарищ!"

Рис. 91. 2-й момент: Получай!..

званных им мастеров. Сведения явно получены только лишь из англоязычного руководства: об этом говорят дословно переведенная на русский англоязычная терминология и некоторые стилистические особенности изложения.

Серьезным пробелом является то, что Ознобишин не описал технику дзюдоистской самостраховки при бросках, хотя эти упражнения упомянуты в приведенной им схеме «нормального урока». Скорее всего, он и не владел этой техникой, как и многие из современных ему авторов, тоже обучавшихся по книгам. Трудности при разучивании бросков он пытался преодолеть, «выкинув все те приемы, которые требуют применения ковра». Но, противореча себе, впоследствии советовал проделывать бросок «на более мягком грунте», «стараться не бросать друг друга на землю с чересчур большой силой» и даже использовать все-таки «плетеные циновки, тростниковые или другие... Их складывают вместе и покрывают линолеумом».

Шестая боевая дистанция — это схватка на земле. Технике, используемой на данной дистанции, уделено особенно большое внимание, исходя из того, что именно она способна принести решительную победу. Болевые приемы в качестве преследования брошенного на землю противника оценены как более надежное средство, чем добивание ногами. Разумеется, они используются не только в подобных, но и в иных ситуациях. Среди рекомендаций

автора немало таких, какие общепризнанны в современном самбо и дзюдо. Наиболее предпочтительным названо положение «на противнике», особенно, сидя на нем верхом, что позволяет не только ограничить подвижность нижнего, но и более эффективно атаковать его. Менее выгодно — расположиться между его ногами, стоя на коленях. Обращено внимание на максимальное использование ног. Как верхний, так и нижний должны стараться сделать противнику «ножной пояс», обхватив его талию ногами. Верхнему, исполняя болевой на руке, следует стараться «убить» другую руку нижнего, то есть придавить ее коленом. При этом, однако, подчеркивается, что положение нижнего, хотя и не столь выгодно, но отнюдь не безнадежно. Он ни в коем случае не должен поворачиваться спиной к противнику, но, лежа на спине, «отгородиться» от него согнутыми в коленях и поднятыми ногами, отталкивая и нанося ими встречные удары. Против стоящего противника используются также броски с помощью только ног — «ножные крючки» или захватом обеих ног противника «за ступни» и толчком ногами в пах.

Ознобишин различает три вида болевых приемов в партере: «свертывание шейных позвонков», «ручные замки» (рычаги локтя вверх захватом руки между ног или через бедро в различных вариантах; узел поперек; «обратный ручной замок» — рычаг локтя вниз с помощью «туловища при захвате руки между ног), а также «ножные замки» — варианты рычага ступни (ущемление ахиллесова сухожилия). Кроме того, есть еще «передние и задние шейные замки»: удушения предплечьем, воротником и «ножным ошейником». Воздействие на чувствительные точки, как самостоятельные приемы, отброшено (из-за характера нашей одежды) и использовано только один раз лишь в качестве вспомогательного действия. Нетрудно заметить, что, в основном заимствованная, терминология автором не упорядочена и достаточно противоречива. Болевые приемы — это и «свертыва-

ние позвонков», и "ключи», и «замки», в то же время «замками» именуются и удушения. О нечеткой классификации бросков я уже говорил выше.

Что касается способов освобождения от захватов, то предусмотрены они лишь от борцовских переднего и заднего поясов (под руками или поверх рук), захвата головы под мышкой и от удушений. Против вооруженного ножом или «другим непредвиденным оружием» применяются удары ногами, а в определенных случаях и боксерские удары. Обезоруживание производится с помощью «ключей»: при ударе сверху это вариант узла, при ударе снизу — загиб руки за спину. Предусмотрены также защитные действия при нападении с ножом на лежащего. Из обезоруживаний нападающего с револьвером — не все достаточно убедительны.

Очень существенным достоинством руководства является то, что в нем впервые было рассказано о специфике криминального рукопашного боя. Борьба с преступностью давно сделала необходимым изучение уголовного мира. Еще с дореволюционных лет в специальной криминалистической литературе описывались различные способы совершения хитроумных преступлений,

Рис. 90. "Подход". 1-й момент: Внимание отвлекается словом или жестом. чтобы ударить первому: "Смотрите, товарищ!"

Рис. 91. 2-й момент: Получай!..

блатной жаргон, потаенная символика воровских татуировок, но никогда не шла речь о приемах, которые уголовники использовали при внезапном и почти незаметном, даже в многолюдном месте, убийстве, в драке с оружием, подручными предметами или без них. Нил Николаевич стал первым и, к сожалению, последним, кто осознал острую актуальность не только изучения, но и непрямого обнаружения подобных сведений. Ведь даже в современных милицеских руководствах эти насущные вопросы обойдены полным молчанием, необходимые познания

Рис. 98. Двойные приемы в более серьезных случаях.
1-й момент: "Засыпался". 2-й момент: Повели голубчика!

практические работники добывают дорогой ценой собственного и, слишком часто, кровавого опыта. Несомненные достоинства этого раздела книги не уменьшает даже то, что увлекшийся автор «растекается мыслию по древу» и повествует о французских «гостиничных крысах» — зловещих грабителях и убийцах, «парижских апашах», с которыми милиционерам вряд ли приходилось встречаться. При этом, однако, не забыты и приемы задержания и конвоирования, в числе которых описана «последняя новость — парные приемы», то есть одновременные согласованные действия двух блюстителей порядка против одного уголовного: загиб левой руки за спину и выверт правой вооруженной руки или конвоирование, взяв обе руки на «милиейский» рычаг.

Значительное внимание уделено тактике рукопашного боя. После каждой «дистанционной» главы даются указания по тактике данной дистанции. Сверх того, в заключительной части книги приведены тактические соображения общего характера. Заботливо и прозорливо специально предусмотрены также действия при схватке в особых сложных условиях: в темноте, на лестнице, в вагоне поезда, против нескольких нападающих. Не осталась без внимания и специфическая «антиголовная» тактика.

Едва ли не лучшим в труде Ознобишина являются методические разработки для обучения, которые дают возможность вполне реального практического воплощения его системы. В рамках разделов, посвященных каждой из боевых дистанций, описаны необходимые упражнения и даны указания по обучению. Но главное — это предложенные им «элементо-фазы», которые представляют собой специально подобранные практические упражнения в ведении рукопашного боя уже во всем его объеме. В предыдущих главах я уже упоминал, что иные авторы предлагали использовать в рукопашном бою только приемы английского бокса и французской борьбы в их неизменном виде (против чего решительно протестовал

Нил Николаевич). Не мудрствуя лукаво, они просто обучали этим чисто спортивным единоборствам и даже не помышляли хоть как-то объединить, увязать боксерские удары с борцовскими приемами. Считалось, что сделать это должны будут самостоятельно их ученики: догадаются, как совместить приемы таких совершенно разнородных и, к тому же, условных спортивных единоборств. Хотя делать это, как правило, приходилось уже в горячке боя, что едва ли являлось лучшими условиями для решения подобных задач. Не говоря уже о том, что не для каждого это было посильным делом. Ознобишин отлично понимал губительную опасность подобных рискованных и сомнительных экспериментов. Избегать их и позволяли его «элементо-фазы». Это были более двух десятков упражнений, имитирующих «сюжеты» реального боя с непременным изменением дистанций и переходом от ударов к броскам, болевым приемам и наоборот. Выполняя их, обучающиеся получали основы грамотного и целесообразного использования приемов всех составляющих систему элементов, объединяя их в комбинации, ведущие к безусловной победе. После этого они должны были уже сами составлять и тренировать такие комбинации, для чего предлагались подводящие упражнения: задавались и реально моделировались конкретные ситуации боя, в том числе и достаточно сложные, против нескольких противников. А учащиеся получали возможность путем проб и ошибок находить тактически правильные решения выхода из затруднительных положений. Разумеется, учебный этап «элементо-фаз» наступал только после твердого усвоения приемов каждого из составляющих систему вида единоборства.

Предложенные автором новые и рациональные методы обучения представляли несомненный интерес, однако, они же свидетельствовали и об отсутствии у него достаточного практического опыта преподавания. Давая содержание «нормального часового урока» по каж-

дой из дистанций, он умалчивает о том, сколько же таких уроков потребуются для прохождения всего курса. И только, как бы между прочим, замечает, что для освоения бокса, как и джиу-джитсу, потребуются несколько лет. А такой срок был, конечно же, нереальным при обучении милиционера.

Один из ветеранов и основоположников ленинградского самбо А.М. Ларионов утверждает, что ознобишинская система решительно превосходит спиридоновскую. Я не стал бы делать столь категоричных и далеко идущих выводов, но в ряде положений Нил Николаевич имел заметное преимущество.

Стараясь быть объективным и дать читателю полное представление о системе, я говорил не только о достижениях автора, но и о его недочетах. При желании их можно было бы насчитать и значительно больше, но ведь главное-то не в этом. Главное в том, что Ознобишин еще в конце двадцатых годов понял необходимость принципиально новых путей развития искусства рукопашного боя. Он пытался осуществить вполне современную нам идею создания синтетической системы, хотя и располагал для этого только явно устаревшими средствами. Решительно отказавшись от всех существовавших прежде рецептов, стремился создать органичный сплав всех доступных ему единоборств, объединив их лучшие достижения в единое, неразделимое целое — новую систему рукопашного боя. Как и Ощепков, Нил Николаевич ратовал за широкое распространение среди населения навыков рукопашного боя. Стремился сделать их общедоступными, придать массовый характер и вывести из жестких рамок «служебного пользования». Однако же, хотя он и ссыался при этом на правительственный лозунг «военизации страны», все это осталось лишь благими пожеланиями, так как требовало не только разрешения властей, но и значительных материальных затрат.

В книге Ознобишин называет себя практиком. Он, несомненно, владел и техникой бокса, и джиу-джитсу, какое-

то время преподавал их и мог показать любой необходимый прием. И все же приходится задуматься: можно ли считать его профессионалом в полном смысле этого слова? Таким, как Ощепков, Спиридонов или даже Солоневич? Дмитриев на мой вопрос с улыбкой ответил: «Что Вы, сам он не боролся. Если бы Вы его видели...» А ядовитый на язык по отношению к своим соперникам Харлампиев рассказал: «Ознобишин сделает прием на несопротивляющемся ученике, потом подзывает Анкудинова (силача-боксера и борца-полутяжеловеса — *МЛ.*) и приказывает: «Держите его в этом положении», а ученику предлагает: «Теперь попробуйте вырваться». Очень может быть, что в этом было слишком много «доброжелательного» преувеличения, но, несомненно, имелась и доля истины. Физические данные Нила Николаевича — «суперастеник», да еще злоупотреблявший алкоголем, — конечно, были мало пригодны для схватки на ковре и могли подвести даже при знании приемов.

Когда-то общераспространенным было убеждение, что наилучший тренер — это непременно прославленный чемпион. Однако жизнь убедительно доказала: далеко не все блестящие спортсмены наделены и тренерским талантом. Это оказались две совершенно различные вещи. Еще в большей степени подобные «ножницы» проявляются там, где идет речь о широко мыслящем специалисте, создающем новую систему. Безусловно, он должен иметь какой-то и чисто практический багаж, без которого просто невозможно «прочувствовать» характер удара, приема или хитрого тактического хода, правильно оценить их. Но вовсе не обязательно одерживать громкие победы на ковре или ринге. Именно так было и с Ознобишиным. Не был он, да и не мог быть, ни выдающимся боксером, ни джиуджитсером, но это вовсе не мешало ему не только преподавать, но даже и создать собственную систему рукопашного боя. И если даже нельзя признать Нила Николаевича профессионалом, то, значит, он своей книгой лишний раз подтвердил, •

что талантливый и эрудированный любитель способен иногда выполнить работу ничуть не хуже, а, может быть, даже лучше иных профессионалов...

Года четыре назад я видел у новосибирских рукопашников ознобишинское руководство, так сказать, в самоиздатовском варианте. Полностью заботливо перепечатанное на машинке, с неумело перерисованными иллюстрациями, оно и семь десятилетий спустя своего выхода в свет все еще продолжало оставаться полезным пособием.

Больше того, совсем недавно эта старенькая книжка была издана уже и типографским способом. И это даже в наше, перенасыщенное и специальной литературой, и преподавателями время. Думаю, что это наилучшая и наиболее объективная оценка труда покойного Нила Николаевича. В энциклопедии «Цирк» ему посвящена специальная статья, и если когда-нибудь будет написана энциклопедия рукопашного боя, то и там его имя будет стоять на одном из почетных мест!

Глава 1

Помощник инспектора физподготовки

В те годы в стране шло строительство во армии, которая должна была быть оснащена новой, современной техникой. Тухачевский и другие передовые военачальники «воевали» с прославленными кавалерийскими генералами гражданской войны, которые все еще жили вчерашним днем и не могли попятить жизненной важности модернизации. Но работа шла тогда не только в военно-технической сфере. И вот здесь-то необходимо сказать о Г.А. Калачеве. Он не создал своей системы рукопашного боя, но, тем не менее, если я не упомяну здесь об этом человеке, мое повествование будет заведомо страдать суще-

ственной неполнотой. Калачёв работал во Всевобуче, затем был назначен на должность помощника инспектора физической подготовки и спорта РККА. В 1932 году он имел звание интендант второго ранга. Это был очень инициативный, «думающий специалист».

Кроме своих прямых обязанностей, он еще активно участвовал в создании спортивной литературы специально для армии, которая в ней очень нуждалась. Еще в 1926 году он пишет две книги «Испытания физической подготовленности (Пособие для комсостава при проведении испытаний, установленных приказом РВС СССР от 29 мая 1925 года за № 568)» и капитальную, содержащую более трехсот страниц текста «Систему физической подготовки РККА». А через два года столь же основательное пособие «Гимнастика, ходьба и бег».

Именно он, изучив передовые зарубежные методы подготовки летного состава, предложил использовать для тренировки вестибулярного аппарата наших летчиков такую новинку, как рейнское колесо. Его познания стали причиной последующего назначения для работы по специализированной физподготовке в военно-воздушных силах. А в первые месяцы Отечественной войны под общей редакцией полковника Калачева вышло «Руководство по подготовке к рукопашному бою (РПРБ-41)». Год спустя он опубликовал книжку «Штыковой бой». А тогда, в 1927-м, увидела свет его самая замечательная книга, которая носила такое же название, но имела еще существенный подзаголовок — «По иностранным источникам».

Всерьез обеспокоенный незавидным состоянием обучения красноармейцев ближнему бою, помощник инспектора тщательно изучил руководства, уставы и наставления по рукопашному бою армий семи стран: Великобритании, Франции, США, Бельгии, Японии, Польши и даже крохотной Литвы. А на основе полученных данных вполне доказательно поднял в своей книге вопрос о том, что при явном нашем отставании зарубежные страны, в том числе и наши потенциальные противники, ушли далеко вперед. В те «интернационалистско-пролетарские» времена упоминать о каких-либо русских достижениях было не только запретно, но и заведомо подозрительно. К тому же, обо всем том, что сделано до революции, при «проклятом царизме», следовало отзывать, если уж не плохо, то только очень плохо. Однако, к чести убежденного коммуниста Калачева, приходится отметить: он при всей своей партийности не побоялся нарушить это пресловутое высочайшее вето и заявил, что «иностранный штык пытается конкурировать с русским штыком, тем самым штыком, удара которого когда-то никто не мог выдержать». Генерала Драгомирова и Суворова вспомнил и даже процитировал. И все это — в конце двадцатых годов, когда у нас Александр Васильевич фигурировал не иначе, как в качестве «реак-

ционного царского генерала, подавлявшего народные восстания»!

Работа Калачева вовсе не являлась голословной декларацией. Анализируя существующее положение, он показал, как оно складывалось в ходе мировой войны, и привел подробные данные о модернизированной технике штыкового и рукопашного боя, практиковавшегося в иностранных армиях.

Все они уже учли четырехлетний боевой опыт Первой мировой — «траншейной», как ее называли, войны, когда ожесточенные рукопашные бои в окопах противника и своих собственных имели очень большое значение, даже при условии появления новейшей техники: танков, огнеметов, химического оружия и минометов. За рубежом уже создали продуманную методику обучения, разработали не только более совершенные способы использования штыка и приклада, но еще иного холодного оружия и подручных предметов. Кроме того, появились приемы боя безоружного против вооруженного и невооруженного противника.

Техника эта заметно отличалась от нашей, в основном, в лучшую сторону. Новый, рожденный войной технический арсенал не только значительно обогатился, но и стал более гибким и эффективным. Уделялось внимание даже таким, казалось бы, незначительным, мелким деталям, как положение винтовки, которое при прыжке в окоп исключало возможность поражения штыком своих товарищей. Или быстрое выдергивание штыка, так как прочно увязший в теле врага штык делал бойца на какое-то время безоружным.

При нанесении короткого укола или укола вверх, а также при выдергивании штыка делались перехваты руками ближе к «штыковой трубке» (укол вверх наносился из положения полуприседа в горло или подмышку противника). Удар прикладом сбоку («горизонтальный») использовать в траншеях было нельзя, поскольку штык цеплялся за стенку окопа. Поэтому рекомендовался «вертикальный удар» — снизу вверх в пах или солнечное сплетение. Существенной и ценной для

Взятые Калачевым фотографии из иностранных руководств, показывающие технику) обезоруживания

нас новинкой являлись действия безоружного против штыкового удара противника. После отбива рукой при обезоруживании использовались подножки, болевые приемы, удары коленом или носком ступни в пах или голень. А еще, как дань военно-техническому прогрессу, сдёргивание с врага противогаза. Хотя Калачев сам на практике проверял действенность этих приемов и отметил, что многие из них им «значительно уточнены и более систематизированы», техника обезоруживания в ряде случаев была неоправданно усложнена и не всегда надежна.

В книге указывалось также на необходимость изучения бойцами приемов безоружного боя. «Обучение приемам рукопашного боя, — писал автор, — имеет, конечно, не только практический смысл — научить, как одолеть более сильного (вооруженного) противника, но и громадное моральное значение — вселить в каждого бойца уверенность в свои силы, убедить его, что иногда и с голыми руками можно идти на врага и победить его». Несмотря на это, описание таких приемов в книгу не вошло. О них говорится лишь вскользь, неоправданно упрощенно, как якобы об общеизвестной технике: «...Способы рукопашного боя в иностранных армиях разработаны весьма тщательно, но не представляют каких-либо трудностей для изучения. Каждый прием основан на действии рычага, где точкой опоры является левая (иногда — правая) рука противника. Применяя тот или иной прием нужно помнить это и быть всегда начеку. Если почему-либо один прием не удался, следует сейчас же использовать создавшееся положение для применения другого, возможного приема». Кроме этого, упомянуты еще лишь действия упавшего на землю бойца: удары ногами и «перебрасывание через себя путем вытягивания ударяющей ноги вверх и откидывания своего туловища назад (ложась спиной на землю)». При всем этом, общая методика обучения ближнему бою была описана очень подробно.

Следует заметить, что в целом высокая оценка заграничных новаций от-

нюдь не помешала автору достаточно трезво смотреть на них. Не без легкой иронии он замечает: «...Многое из «иностранных новостей» мы уже знаем давно». Это было вполне справедливо, как справедливо было и то, что тогда, как и сегодня, мы слишком легко забывали и утрачивали свои былые достижения. Ведь, например, о такой, рекомендовавшейся за границей, «новинке», как подвижные мишени для удара штыком, генерал М. И. Драгомиров говорил у нас еще в позапрошлом веке.

Подробно ознакомив читателей с зарубежными достижениями, Калачев очень четко, смело и откровенно просчетах: «Главным недостатком нашей работы в этой области является отсутствие не только ясно выраженной целевой (практически необходимой для реального боя) установки для многих приемов, но и отсутствие части приемов, которые являются актуально необходимыми как в бою, так и при обучении. Нашими руководствами преподносились, главным образом, приемы классического фехтования и только вскользь говорилось о штыковом бое,

как таковом. Вследствие этого столь важный отдел подготовки бойца у нас весьма хромал, если не сказать большего. Здесь же (то есть в иностранных армиях — М.Л.) мы видим совершенно обратное. Цель каждого приема ясна, каждый прием практически необходим, и обучение им проводится чрезвычайно живо и интересно».

И совсем не случайно в качестве многозначительного эпиграфа книге было предпослано изречение Гегеля: «Познать — значит изжить». Неудивительно, что эта ценная и важная работа вскоре выходит вторым изданием.

Публично и широковещательно поднятая проблема сделала неизбежным принятие соответствующих мер. Разуме-

ется, помощник инспектора не смог бы всего этого сделать без одобрения и поддержки своего непосредственного начальника. Неудивительно, что дальнейшие функции перешли в руки инспектора вневойсковой и физической подготовки РККА, уже знакомого нам Бориса Алексеевича Кальпуса. Тогда, в конце двадцатых именно он пригласил из Новосибирска в Москву для работы над новым пособием по рукопашному бою лучшего советского специалиста тех лет — Василия Сергеевича Ощепкова.

Вероятно, последней работой Г.А. Калачева стали отдельные статьи для «Энциклопедического словаря по физической культуре и спорту» начала 1960-х годов...